

День пятый
9 апреля 1929 г.
Утреннее заседание

(л. 345) Председатель

В Президиум поступило заявление от пяти делегатов, студентов этнологического факультета первого МГУ, с просьбой его огласить: «В связи с выступлением московских студентов со схоластическими спорами о терминах, не имеющих отношения к предмету наших занятий, в связи с предъявленными докладчиками вопросами мы считаем необходимым сообщить, что выступавшие студенты никакого отношения к нам не имеют и что мы со своей стороны оцениваем их выступление как полное непонимание задач настоящей конференции».

Никольский

Я как представитель первого МГУ заявляю, что со мной это заявление совершенно не было согласовано. Мы с проф. Сергиевским¹ являемся старшими членами этой делегации, и поскольку здесь произносится первый МГУ, должны были информировать о заявлении как его, так и меня.

*Маркитьян*². Слово для ответа

Дело в том, что слухи об этом заявлении до нас дошли еще вчера. Точно так же дошли до нас и слухи о приблизительном содержании этого заявления. Мы заявляем, что рассматриваем это заявление как политическое; мы видим в нем определенную политическую демонстрацию против марксизма. Они заявляют, что ничего с нами общего с нами не имеют, так как мы поднимаем схоластические споры и не понимаем задач нашей конференции. Мы с очень большим удовольствием констатируем, что ничего общего с ними не имеем и не хотели бы иметь, так как мы считаем, что они расценивают марксистские теоретические обоснования как схоластику, как спор о терминах. Можно с прискорбием констатировать тот факт, что, вероятно, в первом МГУ положение с марксизмом неблагоприятно. Группа, подавшая заявление, не понимает того, что без разрешения общих теоретических вопросов (*л. 346*) двигаться дальше нельзя.

Заданные нами вопросы были по существу правильны и закономерны, потому что один из докладчиков большую часть своего доклада посвятил

¹ *Сергиевский Максим Владимирович* (1892–1946) — советский лингвист, профессор МГУ.

² Личность установить не удалось. Возможно, это неправильное написание фамилии Мартикян, упоминавшейся выше.

теоретической путанице. Мы не отрицаем того, что нашей целью было показать вещи в таком виде, как они существуют в действительности.

Со своей стороны мы также отмежевываемся от таких студентов, которые, нося звание пролетарских, отказываются от разоблачения чуждой пролетариату идеологии. Мы клеймим позором поведение таких студентов и считаем их примиренцами, оппортунистами и подхалимами.

Соколов «Построение и деятельность советских этнографических музеев»

Этнографические музеи в советской стране должны строиться на высоте современной советской этнографической науки, ее методов, ее задач и, быть может, живыми участниками социалистического строительства Советского государства.

Как подвержена у нас серьезному пересмотру самая этнографическая наука, так вполне естествен и закончен пересмотр основ построения и деятельности этнографических музеев. Поскольку советская культура отличается в самом своем существе от культуры буржуазных стран, постольку уже и сейчас направление и деятельность советских музеев имеют сейчас заметные отличия от зап[адно]европейских: характер экспедиционной работы, широкая просветительская деятельность, принципы равенства народов, живость экспозиции и др.

Посещение мною целого ряда стран убедило меня в этом достаточно ярко. Самый характер, самая устремленность, может быть, стихийная в экспедиционной работе, безусловно, стоят в большом отличии от западноевропейских. Мы благодаря революции избавлены от той помехи, которую создает частная собственность, воля жертвователя для нас (л. 347) не играет роли. Мы в интересах науки можем совершенно свободно перестраивать любые коллекции, любые музейные материалы. В зап[адно]европейских же музеях личная воля жертвователя, мецената настолько сильна, что идет вразрез со всякой логикой. Музеи зависят от частного капитала и должны подчиняться этому фетишу.

Широкая просветительская деятельность наших музеев в корне отличается от всей западноевропейской деятельности. Там музеи мало мыслят о просвещении масс через музеи.

Принцип равенства народов, который так органически воспринимается каждым советским работником, на Западе не существует. Меня поражало, например, что в такой маленькой, но глубоко империалистической стране, как Польша, мы в варшавском музее видели только польский народ. Нац[иональные] меньшинства польские туда принципиально не вводятся. Наша точка зрения совершенно другая, но все-таки надо сказать, что мы свои советские музеи строим еще стихийно. Жизнь сама вводит нам поправки и изменения, и хотим ли мы того или не хотим, но мы отражаем движение нашей современности.

Сейчас настал момент острого осознания этнографическими музеями своего бытия, обусловленного общим бытием Советского государства и его социалистических принципов и вытекающего отсюда планомерного более четкого построения этнографических музеев и направления их деятельности.

На этой конференции мы должны будем в резолюциях суметь сформулировать эти основные принципиальные установки.

Этнографические музеи одновременно являются научно-исследовательскими и просветительскими учреждениями. Научное исследование и просветительская работа — две стороны одного неразрывного целого.

Я бы очень хотел подчеркнуть это. Я считаю, что если бы просветительская работа стала пониматься как что-то придаточное, не вытекающее из существа научного построения, это было бы ложно. Мы должны преодолеть то, что у нас бывало нередко, когда научные работники считали для себя просветительную работу или учет просветительной работы (л. 348) делом второстепенным. С другой стороны, может быть, некоторые лица, занимающиеся просветительской работой, считают это своей, только исключительно личной функцией, а не функцией всего организма музея в целом. Таким образом, научное исследование и просветительская работа — это две стороны одной и той же медали, имеющие одну сущность.

Просветительская работа в музее должна базироваться на материале подлинного этнографического исследования. Этнографический музей в своей работе (во всех видах — полевом исследовании и собирании материалов, экспозиции, просветительской работе и пр.) должен бороться против узкого, безжизненного академизма (превалирование своих индивидуальных интересов под общим музейными, отказ от постановки в ближайшую очередь наиболее актуальных тем, принципов «чистой науки», пренебрежительное или спесивое отношение к просветительскому делу, уход в детали ради деталей, отсутствие заботы о понятности и живости экспозиции и пр.), должен бороться против дилетантского упрощенства (выводы без достаточной научной убедительности, стремление к внешнему эффекту без вдумчивой обоснованности, пренебрежение к конкретному факту во имя общей схемы, доминирование агитационной формы над реальным материалом).

(л. 349) Я лично считаю, что существует этнографическая наука, изучающая конкретное общество, и именно конкретность является сущностью музея. Вне конкретности нет, собственно говоря, и смысла создавать какой-либо музей. Доминирование агитационной формы над реальным материалом, доминирование лозунгов не оправдано подбором несоответствующего материала. Вот эти две опасности мы имеем: академизм и упрощенство. Если мы будем с ними бороться, то мы и создадим подлинное лицо советского музея. Поэтому во всех частях деятельности музея нами должна быть

осознана органическая внутренняя связь во всей многогранной деятельности этнографических музеев.

«Как этнография должна занимать определенное звено в цепи социальных наук, так и этнографические музеи должны входить органическим звеном в цепь музеев других смежных дисциплин».

В этом отношении у нас абсолютно неблагополучно. У нас каждый музей строится сам по себе, сам себе довлеет. Между тем музей является могучим орудием просветительной целью, дает систематические знания посетителю и совершенно ясно, что он должен осознавать себя как одно из звеньев в единой цепи научно-просветительных учреждений. Из одного музея должен быть естественный переход к другому так, чтобы они, в конечном счете, позволяли осмысливать всю человеческую жизнь, и в результате музеи должны содействовать широкому самообразованию широких кругов трудящихся.

«Особенно тесно и внутренне увязанными должны быть материалы этнографических музеев с материалами археологическими (палеэтнологическими) и материалами историко-бытовых музеев».

В этом отношении имеется колоссальный разрыв в Ленинграде и Москве. Естественного движения культур, которые мы осознаем через данные археологии и через данные этнографии, нет, ибо внутренней согласованности этих музеев друг с другом нет.

«В краеведческих музеях эта увязка возможна и в смысле территориальной близости друг к другу соответствующих музейных залов. В центральных музеях увязка должна идти по линии согласования построения и деятельности отдельных специальных музеев так, чтобы переход от материалов одного музея к материалам другого был вполне оправдан и естествен. Вполне оправдывающим себя нужно (л. 350) счесть внесение в этнографические музеи археологических памятников позднейших эпох, когда эти памятники со всей определенностью могут быть отнесены к народности, выявляемой в экспонатах этнографического музея».

В этом отношении тот опыт, который сделал Музей народоведения, как будто признается и другими музеями. И если Исторический музей в Москве дает памятники более древней культуры, то поздние памятники, могущие быть определенно отнесены к данной народности, абсолютно необходимы музеям для того, чтобы давать динамику исторических культурных процессов той или другой народности, той или другой общественной группы.

«Построению отделов быта городского и высших классов в непосредственное посредство с этнографическими отделами в музеях отечественной этнографии Зап[адной] Европы и наших краеведческих должны соответствовать в центральных музеях согласованность планов и принципов построения музеев этнографических и историко-бытовых. Я не буду

вдаваться в обсуждение вопроса о том, где верхняя грань музея в объекте этнографии. Я должен сказать, что логически между историко-бытовым музеем или историей быта высших классов и этнографической, по существу, наукой грани нет, она лишь чисто формальная. Поэтому изучение явлений быта в высших классах, в частности городских классов, вообще должно быть естественным продолжением того, что мы видим в этнографических музеях. Поэтому для Русского музея в Ленинграде¹ нужно иметь естественную глубокую увязку с бытовым отделом, в Москве Цент[ральный] музей народоведения² должен быть увязан с историко-бытовым отделом Исторического музея³. Получается полная нелогичность, когда в Историческом музее имеется отдел крестьянского быта, отдел искусства. Искусство является оторванным от форм хозяйства и бытового комплекса. Это должно быть пересмотрено. Здесь или в прошлом в этом отношении была сделана ошибка, или наша наука настолько выросла, что мы можем теперь четко распределять материал. Теперь должен быть пересмотрен вопрос о Центральном музее народоведения вместе с Историческим музеем и Музеем восточных культур⁴. Нужна четкая программа в этом отношении. В каждом из этих музеев и их взаимоотношениях есть несомненное (л. 351) дублирование, недостаточная внутренняя обоснованность помещения.

«В наших центральных этнографических музеях естественно доминирующее место занимает материал по быту народов, населяющих нашу страну, но, в отличие от установок музеев дореволюционного периода, самый подход к национальным культурам носит совершенно другой характер. Вместо инородцев (ср. инородческий отд[ел] в б[ывшем] Румянцевском музее⁵), подчеркивающих обилие покоренных Россией народов; (все русские музеи в значительной мере строились под этим знаком), советские музеи выявляют быт, труд и творчество национальной культуры равноправных народов СССР. Пережитки старых подходов должны быть в музеях решительно выправлены, где они сохранились».

¹ ГМЭ — Государственный музей этнографии, ныне — Российский этнографический музей. Основан в 1902 г. как этнографический отдел Русского музея. В качестве самостоятельного музея — с 1934 г.

² Центральный музей народоведения был создан в Москве в 1924 г. В 1948 г. музей был закрыт, а коллекции расформированы по другим музеям СССР.

³ Государственный исторический музей в Москве.

⁴ Музей восточных культур. Поочередно менял названия: Государственный музей восточных культур (1925–1962), Государственный музей искусства народов Востока (1962–1992), Государственный музей Востока (с 1992 г.).

⁵ Румянцевский музей был создан в 1828 г. в Санкт-Петербурге, а затем критик Владимир Васильевич Стасов в 1861 г. перевел музей в Москву. В 1924 г. музей был расформирован, а его коллекции распределены между музеями и библиотеками страны, в частности в Центральный музей народоведения в Москве.

Эти пережитки бессознательно остаются, и не всегда мы, музейцы, улавливаем эти промежуточные моменты, так что иной раз свежий человек натывается на прежние для нашего времени установки.

«Этнография народов СССР может быть понята лишь в связи и наряду с эволюцией и взаимоотношениями культур народов всего мира, отсюда необходимость существования в Москве и Ленинграде этнографических музеев европейских стран, и в особенно[сти] первобытных культур. В Ленинграде должно быть произведено согласование и органическая увязка этнографических музеев — Академического¹ и Русского, в Москве — Центрального музея народоведения и университетского Этнографического музея². В вопросах пересмотра построения и согласования, а возможно, и перегруппировки коллекций должна быть проявлена наряду с большой вдумчивостью и достаточная смелость. Разумная целесообразность должна стать выше охраны традиций отдельных учреждений».

В Центральном музее народоведения есть отдел Австралии. Мы решили поступить таким образом: мы не даем, не выявляем всего материала, который имеется, и не стремимся к тому, к чему стремится Академический музей. Мы даем только основные типы культур, типы хозяйственных основных форм, выявляем при помощи первобытной культуры, и это является вполне достаточным.

(л. 352) Мы считаем для Москвы бессмысленным в какой-нибудь мере стремиться быть параллельным академическим музеям. Ибо у нас не будет средств и возможностей предоставить быт народов внеевропейских в такой мере, и в таком богатстве, и в такой полноте, как это могли сделать старые музеи вроде академических. Но во всяком случае этнография народов СССР не может быть осознаваема для уяснения основных форм культуры народов земли.

К этому вопросу о пересмотре наших планов и органическом согласовании мы должны, наконец, смело приступить. Мы должны подойти к этому с большой вдумчивостью, но вместе с тем с достаточной смелостью. Пора нам отбросить несколько вотчинный взгляд на свои музеи. Хозяин-то у нас, в конце концов, один — Советская страна. И нигде в мире нельзя так легко, не задевая никаких законов о частной собственности, воле жертвования и т.д., произвести целесообразную перепланировку, перераспределение между музеями.

Но у нас препятствие до известной степени фетишистского порядка — это есть понятие о традиции. Мы иногда за словом «традиция» не хотим

---

¹ Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Сегодня — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Старейший публичный музей России. Основан в 1714 г.

² Имеется в виду Антропологический музей МГУ (создан в 1883 г.), при нем существует этнографический отдел.

вскрыть истинного смысла этой сущности. Считаем, что было собрано, то и должно остаться. Если бы мы так посмотрели на творческое строительство наших музеев, мы оставались бы на старом месте.

Разумная целесообразность должна стать выше охраны традиций отдельных учреждений. Это вопрос больной. Конференция его, конечно, не сможет разрешить конкретно, но это положение мы должны заострить.

Построение этнографических музеев идет по линии территориальной (например, Сибирь, Средняя Азия, Кавказ и пр.), внутри этих крупных отделов — по признаку этническому. Близость культурных признаков должна в распределении народностей в музее доминировать над признаком чисто лингвистическим. (л. 353) (Надо сделать, чтобы чуваша находились рядом с мари, тюрюхане с мордвой, а не с русскими и т.д.) Наиболее актуальным и очередным является вопрос о распределении этнографических материалов музея внутри каждой народности. Здесь должна быть произведена значительная реэкспозиция.

Я думаю, что важно общее впечатление, что у нас какого-нибудь четкого принципа в распределении экспонированного материала в музеях, по каждому отделу, даже внутри каждого народа, нет. Очень часто мы выставляем вещи шиворот-навыворот: начинаем с религиозного культа, а потом в какой-то смеси идут все остальные формы народного быта.

Я думаю, что здесь музейцам особенно легко перейти на путь построения музея по признаку хозяйственному, с постепенным переходом к различным культурным надстройкам.

Я позволю себе сослаться на первый опыт, который был сделан нашим музеем именно в отделе восточных славян, может быть, опыт не вполне удачный, может быть, требующий тех или других поправок, но, поскольку я был инициатором этой реэкспозиции, она мне кажется удовлетворяющей основным требованиям. Многие ленинградцы посетили этот музей, так что у них есть объективная возможность судить. В основном принципе они как будто с нами соглашались.

Отдел восточных славян выставлен у нас по таким рубрикам: посетитель сначала знакомится со способами передвижения. От способов передвижения легко перейти к окружающей природе, так как они в значительной мере обуславливаются географическими особенностями. Но это только преддверие. Дальше идут орудия земледельческого труда, пахота, сенокос, обработка земли и т.д. в последовательном порядке самой работы. Затем идет жилище и домоводство. Если мы там кончили молотью, то здесь начинаем с выпечки хлеба, приготовления пищи. Здесь уже вся утварь, связанная с печью и со столом, предметы освещения и т.д., все, что характеризует уклад крестьянства в домах. Затем занятия домашние, занятия во дворе, тут и уход за скотом, и молочное (л. 354) хозяйство. Затем мы переходим к трудовым процессам, протекающим опять-таки внутри дома,

являющимся обработкой волокнистых веществ, например прядение и ткачество.

Естественным переходом от прядения и ткачества является одежда. Одежда воспринимается как продукт того производства, который был раньше показан, и распределяется по тем признакам, я сказал бы, социально-этническим, которые может одежда собой характеризовать. Затем идут сбоку подсобные промыслы, рыболовство и лесные промыслы. Это именно те подсобные промыслы, которые во многих местах служат средством существования. Затем идет надстройка, детское воспитание, игрушки и игры. Они должны в своей экспозиции тоже выявлять ту обусловленность хозяйственных форм, которая была показана раньше. Игра показывается как воспроизведение трудовых процессов и упражнений в трудовых навыках.

Затем мы переходим к другим надстройкам, которые я озаглавил просто — фольклор. Здесь был сделан первый опыт в смысле экспозиции религиозного культа, православия, двоеверия. Причем основной является тот же самый земледельческий культ, круговорот растительности, магические действия самого обряда крещения с иконами, так называемые низкие поклоны Купале и Илье, органически входящие в состав христианской, земледельческой двоеверной религии. Я позволю себе назвать это ложной техникой, так как здесь все направлено на увеличение производительности самой почвы, но идет по ложному направлению, (л. 355) не по научному, а по магическому (условно назовем — суеверному). Затем мы имеем обряды, связанные с ингушами¹, заклинательные моменты, которые мы видели, и смену обычаев и обрядов: культ предков, свадебный культ и т.д., опять-таки целиком базирующийся на основных хозяйственных формах, на роли крестьянина, затем музыкальные инструменты в связи с пастушеством, а также представлены и певцы, носители фольклора, и должны быть также указаны, какие формы труда поддерживает тот или иной вид фольклора. Я не настаиваю целиком на этой схеме, но мы должны все отделы в музее по каждой народности построить по единому принципу. Если мы этого не сделаем, то в музее получится хаос. Этим путем будут достигнуты и сквозные осмотры материала: кто интересуется земледелием, тот пройдет по всем народностям, изучит земледелие; кто интересуется надстройкой религиозного культа, он возьмет этот разрез и пройдет по всем залам. Важно, чтобы был единый, единственно правильный принцип, кладя в основу хозяйство. Затем мы должны стремиться (этого мы не делаем в силу того, что нам приходится иметь дело с такими классами, у которых классовая дифференциация не столь ярка, для того чтобы могла быть выявлена, но наши музеи все же теперь могут сделать достаточно много, хотя бы восточнославянский) к выяснению в предметах культуры той специальной дифференциации, которая существует в крестьянской среде.

¹ Так в тексте. Возможно, опечатка и следует читать «ингушами».

Здесь, например, в отделе жилищ мы можем принести существенную пользу широким массам в понимании вопроса относительно границ между середняком, кулаком и бедняком. Наши музеи могут показать, что этот принцип для каждого района является своим, относительным. Жилище, например, Белоруссии не представляется как жилище богача, а является только известным выводом из тех реальных и хозяйственных природных условий, которые имеются в том или другом районе. Мне думается, что в целом ряде отделов этот момент социальной дифференциации и классовой дифференциации может быть выявлен, например, в домоводстве, одежде и т.д.

«б¹. Этнографические музеи, как наши, так и заграничные, ограничивают свою задачу выявлением предметов материальной культуры до промышленного, дофабрично-индустриального периода, выставленные в этнографических музеях предметы являются продуктом и (л. 356) потреблением мелкого производства, самодельные или кустарные. Даже если оставаться этнографическим музеям в этих пределах, их обязанностью является: во-первых, показать и объяснить весь культурно-бытовой комплекс, созданный на основе этой примитивной техники, индивидуального хозяйства и культурной отсталости масс; во-вторых, противопоставить (я полагаю, что по этому вопросу будут споры) этому социалистический культурный, бытовой комплекс, начало которому закладывается сейчас советским строительством, комплекс, основанный на индустриальной технике (тракторы, машины, электрификация), на коллективном хозяйстве и на культурном образовании масс. Это противопоставление должно быть сделано в заключительном зале музея (это пока еще в проекте² и одобрено всеми учеными Совета и Главнаукой) или в заключительных залах соответствующих отделов музея, где должны быть показаны в движущейся модели (или в оригинале) орудия современной сельскохозяйственной техники, даны яркие и наглядные понятия о колхозах и совхозах, а также таблицы многополья и трехполья. Этот «просвет» в новую культуру социализма, техники и науки должен помочь осознать основную природу всего прежнего многовекового культурно-бытового комплекса с его базисом и надстройками».

Только при таком контрасте может быть осознано, что те надстройки, которые составлялись в течение многих веков, неизбежно изменятся, раз переход самого хозяйства будет поставлен на другие рельсы. Мы не должны заниматься тем, что выставляем современную фабричную технику как таковую. Это дело Политехнического музея³. Мы должны показать, что по существу преобразует нашу жизнь.

¹ Нумерация хаотичная.

² Слово проект во всей стенограмме писалось как «проект». Здесь и далее заменено на современное написание через «е».

³ Политехнический музей в Москве. Основан в 1872 г.

После такого заключительного зала для посетителя естествен переход в музей агрономические и др. Те предметы промышленной техники, которые уже и теперь «отстоялись» в народном употреблении, целиком вошли в его быт, напр[имер]: фабричный текстиль, самовар, посуда др., должны вводиться в оригиналах или в иллюстрированных формах в экспозиции с краткими пометками начала их реального бытования, особенное внимание должно быть обращено на факты приспособления, сживания элементов этой промышленной культуры с традиционной самодеятельностью (например, фабричный материал в национальном костюме, фабричный ремень на примитивной сохе и многое другое).

(л. 357) Этнографические музеи не должны искусственно архаизировать быт, а давать его в жизненной динамике. Перевес в «реликтовых» материалов над реально бытующими же имеет представления о подлинном быте, хотя бы и крестьянском.

Национальная политика советской власти, проводимый ею принцип национального самоопределения народов явился важнейшим новым фактором жизни народов СССР. Этнографические музеи не имеют права обойти своим вниманием как в изучении, так и в экспозиции явлений новой культуры. Естественной частью в экспозиции предметов каждой национальной культуры должны быть основные реалии этих культур, как то первые учебники и книги на родном языке, алфавит и шрифт каждого народа, иллюстрации характерных моментов и фактов нового строительства и т.д.

Музеи в СССР являются могучей школой воспитания и образования широких масс трудящихся, поэтому они должны носить наиболее живой, понятный, выразительный характер, отнюдь не впадая в вульгаризацию, упрощенство, в дешевку.

Я должен сказать следующее: мы все имеем хорошие пожелания, но мы прежде всего люди реальные. Мы делаем ошибки и по своей вине, и часто из-за слабого оборудования и недостатка научного материала. Это невольно подрывает тот идеал, который носится перед музейным работником. С этой стороны у нас нет еще ни одного музея, который мог бы похвалиться настоящей отшлифованностью.

Одним из важнейших средств понятливости этнографического музея должна быть сама экспозиция собранных музеем предметов. Необходимость четкой тематики.

Большой виной старых музеев является то, что посетитель не может понять, о чем говорит тот или другой предмет или группа предметов. Мы должны в этом определенно признаться. Наша старая музейная традиция не давала четкости, не выявляла, не заостряла тематики.

Наряду с систематической, аналитической экспозицией наши этно-музеи должны проектировать формы комплексной экспозиции (л. 358) — «обстановочные сцены», «интерьеры», «диаграммы».

Нужно, чтобы не просто были вместе выставлены, как я видел на Западе, обстановочные сцены, а эти сцены должны подчеркивать существенные трудовые процессы, выражать основные формы хозяйственной жизни. Нужно, чтобы обстановочная сцена максимально выражала жизнь во всем ее многообразии, ни в коем случае не искажая действительности и не сокращая того, что на самом деле не сокращено.

Широко должен применяться принцип периодических выставок с выбором наиболее научных и общественно нужных и ценных тем для них.

В этом отношении я должен сослаться на музей Осло¹, где помещение очень мало, и поэтому единственным средством является устройство выставок. Там берут не только экспонаты своего музея хранилища, но и привлекают материал из провинциальных музеев и даже от частных владельцев и устраивают тематические выставки. Фактически проводится смотр всей страной тех бытовых материалов, которые к этой теме относятся. Этот принцип устройства выставок не только на материале своего музея должен быть широко развит и у нас. Пора приступить к совместным выставкам на определенную тему, в частности Ленинграду и Москве.

Музеи заботятся о посетителях, свежести восприятия ими даваемых музеем экспозиций, должны бороться с внешней «музейной скукой, монотонностью цвета и однообразием внешнего оформления».

Меня за границей, особенно в Гамбурге, поразила хороший прием, «освежение» внимания посетителя тем, что каждый зал с определенной темой, той или другой народности, окрашен в особый цвет. Мы этот принцип применили уже в одном из помещений, в отделе восточных славян. Единственным недостатком у нас является то, что здание не музейное, а дворцовое. Тут вносится дисгармония благодаря лепным потолкам и всякой иной чепухе. В музее должны быть гладкие внутренние помещения. Все-таки этот цветовой эффект не должен носить характера дешевки, а, напротив, служить цели «освежения» внимания. У нас был очень большой (л. 359) фетиш — серый цвет. Мы считали скуку нейтральностью. Это психологически совершенно не верно.

Каждый предмет и тематическая коллекция должны быть представлены с максимальной жизненностью, с понятностью его названия и способа употребления. Ни один предмет в музее не должен быть выставлен, если он не может быть понят посетителем. Этого можно достигать разными средствами, но это есть закон. Я не могу и не буду развивать здесь мысль, которая давно исчерпана. Это мысль об этнопарке. Для нашей Советской страны это самая лучшая, самая жизненная и самая желательная форма этнографического музея.

---

¹ Видимо, имеется в виду Норвежский исторический музей в Осло.

Отдавая главенствующее место в музейной экспозиции самым оригинальным предметам, музей должен оставить боязнь перед использованием других вспомогательных экспозиционных средств (иллюстрации, картины и фотографии, чучела, манекены и пр.).

Было время, когда в наших музеях ввести иллюстрацию или фотографию считалось величайшим нарушением музейного дела. Внесение какой-нибудь карты, диаграммы, модели, макета, муляжа, чучела и т.д. считалось чем-то абсолютно ненаучным. Это показывает всю условность понятия научности.

Эти вспомогательные средства должны всегда занимать второе место и употребляться тогда, когда этого требует иллюстрируемый предмет или тема. Здесь вредны излишества, так же как и ригористический отказ. Чувство музейного такта также особенно нужно в данном случае. Проверкой должно служить систематическое научно-исследовательское изучение посетителя.

Для тех же просветительных целей в наших этнографических музеях нужно отвести большое внимание просветительному кабинету. (Он может быть и «вводным», и «заклучительным».) Такой кабинет должен давать отправные точки для восприятия и осознания музейных экспонатов. Здесь должны быть даны основные сведения по географии, антропологии, археологии, а также поставлены главнейшие проблемы (л. 360) этнографической науки и на отдельных типах показаны методы этнографического подхода к явлениям жизни и быта народов.

Это те рельсы, по которым пойдет затем мысль посетителя. Этот кабинет должен помочь осознать музей в его систематическом виде, а не в каком-то хаосе, в котором простой посетитель не сможет разобраться. Для советских музеев особенно важно давать в этом кабинете примеры об основных принципах национальной политики советской власти, о национальных республиках и областях, особенно достижений советского строительства у каждого народа СССР. Пример: этнологический отдел в Гамбургском музее¹ и «вводный» кабинет Центрального музея народоведения в Москве.

(л. 361) Может быть, тов. Плисецкий² дополнит это в своем слове.

«Для развития роли этнографических музеев в просветительной деятельности нужны организации рабочих университетов при музеях (Русский музей), лекции внутри музея и выездные подвижные выставки, кино-, этносеансы при этнографических музеях необходима настоящая хорошо оборудованная аудитория, как в музеях Гамбурга, Лейпцига, Гельсингфорса».

¹ Видимо, имеется в виду Этнологический музей в Гамбурге. Основан в 1879 г.

² Плисецкий Марк Соломонович (1881–1957) — советский физический антрополог.

Я должен сказать, что в Лейпцигском, Гамбургском музеях вся этнография преподается профессорами в этих аудиториях при наличии живой огромной лаборатории, какую представляет музей.

11. «В целях научно-просветительной работы наши этнографические музеи должны иметь при себе широкую сеть вспомогательных учреждений, палеэтнологическую и этнографическую лаборатории, манекенные реставрационные и муляжные мастерские и др. Особенно важным является наличие при этнографических музеях своих небольших типографий, обслуживающих просветительные нужды (листовки, объявления, этикетаж, брошюры) и научно-регистрационные (бланки, карточки, каталоги, схемы). Сравнить музеи Стокгольма, Гамбурга, Центральн[ый] музей народоведения в Москве».

Наш большой недостаток — в отставании инвентарного дела. Научная инвентаризация должна пойти по линии именно технического облегчения, по линии фотографии. Вот то, что нам в значительной мере заменит все наши инвентаризационные недостатки.

«12. Абсолютной необходимостью для советских этнографических музеев является усиление их издательских возможностей. Огромный собранный музеями этнографический материал и исследования бесполезно лежат под спудом».

«13. В интересах роста и развития этнографических музеев и повышения актуальности всей их работы наряду с большим ассигнованием средств на устройство экспедиций и вообще на полевую работу самый характер собирания новых материалов должен особо согласовываться с основными потребностями музея в целом, стремиться к заполнению иногда вопиющих лакун и учитывать основные особо важные проблемы этнографической науки и современности. Сбор новых экспонатов отнюдь не должен носить случайный характер, а должен явиться плодом (л. 362) продуманной целевой установки».

«14. В подборе материала и определении границ для собирания отдельных предметов центральные этнографические музеи должны согласовать свою работу с краеведческими».

Здесь абсолютно неблагоприятно. Мы уже об этом сколько раз говорили и сколько мы слышали плача со всех сторон, однако разного разграничения программ этнографических музеев центральных и краеведческих нет. Это очередная задача...

«Если этнографические центральные музеи собирают отдельные предметы, то подборы более мелких разновидностей должны стать функцией краеведческих музеев. Такой стоворенности пока нет, и она должна быть поставлена на ближайшую очередь».

«15. Но и между центральными этнографическими музеями нет или почти нет какой-либо увязки во всех сторонах музейной работы. Настало

время более тесного контакта, взаимного согласования экспедиций, планомерного и целесообразного обмена самими экспонатами, взаимного пополнения друг друга, устройства совместных выставок на общие планы».

Взаимного обмена экспонатами и взаимного пополнения друг друга — этого, товарищи, нет, и к этому после этой конференции абсолютно должны приступить.

«Вместо взаимного отрыва нужно настаивать на согласованности, планомерности и во многих отношениях совместности в работе».

Мы должны раскрыть все те потенции, которые имеют наши работники — от малого до великого. Музеи должны всколыхнуться, молодежь наша горяча этнографическим энтузиазмом и должна получить гораздо большие права, например: ученые советы у нас в Москве проведены уже года 2–3 назад и являются прежде всего открытыми для всех сотрудников музея. Только в живом общении и возможно по-настоящему, коллективным образом построить нужные Советскому государству научные и вместе с тем вполне понятные этнографические музеи.

(л. 363) *Крыжановский*¹. Доклад о задачах Этнографического музея

Когда несколько дней тому назад в Москве мы с Борисом Матвеевичем сравнили наши тезисы, то мы оба были приятно удивлены тем, что на этот раз московская и ленинградская точки зрения неожиданно оказались очень близкими. Если мы в отношении экспозиционном, в части построений, в деталях расходимся с Бор[исом] Матв[еевичем], то все же в основном принципиальных расхождений мы не могли найти. Причина, конечно, та, что когда мы, люди разных школ, никогда до сих пор по музейным вопросам не беседовавшие, подошли к практическому разрешению наших задач, совершенно определенно поставленных, то оказалось, что эти задачи могут быть разрешены только одним определенным путем. Для меня особенно приятно было то, что мы в таком нашем сходстве увидели, что оба мы не удовлетворены тем, что существует сейчас, оба хотели бы попробовать создать нечто новое. Вероятно, именно поэтому в своем построении Бор[ис] Матв[еевич] не пытался совершенствовать Музей народоведения, а строил отвлеченный музей, а я в своем построении не дал этнографического отдела Русского музея, а пытался говорить о музее этнографическом вообще.

В своем понимании этнографии я очень близок к Петру Федоровичу Преображенскому. Я тоже считаю ее частью истории культуры, тем отрезком истории культуры, который соответствует культурам, этнически выраженным. Позвольте мне употреблять этот термин условно — не будем путаться в словах, ибо он, вероятно, понятен всем.

---

¹ *Крыжановский Борис Георгиевич* (1886–?) — заведующий этнографическим отделом Государственного Русского музея.

И вот мне кажется, что этнографический отдел музея имеет своей задачей собирать и хранить памятники этнически выраженных культур для их изучения и для их использования с просветительными целями. Тут, таким образом, оказываются сформулированными три основные задачи музея: «хранительская», научно-исследовательская и культурно-просветительная. Для меня они представляются совершенно неразрывными. Мы не можем представлять существование (л. 364) какой-нибудь одной из этих задач без остальных, как невозможны совершенно отвлеченные занятия научным исследованием без желания применить затем на деле для просветительных целей. Также невозможно вести просветительную работу, не опирая ее на научное исследование, которое было предварительно сделано.

Я говорю, что этнографический музей занимается этнически выраженными культурами. Может быть, это нужно несколько уточнить, потому что у тех народов, которые достигли высокого социального расслоения, у них не все слои общества сохранили эти этнически выраженные культуры. И в этих случаях мы должны сказать, что применительно к таким народам этнографические музеи собирают свой материал и изучают только те части, только те слои общества, у которых эти культуры этнически выражены. Что касается остальных, то ими пользуются лишь постольку, поскольку там можно почерпнуть соответствующий материал.

Когда мы подходим к материалу музеев, то мне кажется, что мы подходим к первому основному вопросу — собственно музейного построения. Границы этого материала и его качество определяют в значительной степени самый музей.

Прежде всего вопрос территориальный. Этнографический музей собирает материал, относящийся к территории, которая определена как круг его действия. Но на практике это оказывается несколько сложнее, и с полной строгостью этот принцип может быть применим только к музеям небольшого охвата, краеведческого типа, к музеям местным.

Я могу легко себе представить музей где-нибудь в Лохвицах Полтавской губ.¹, работающий на небольшом районе, где за этим районом он видит этнографические черты, вполне сходные со своим районом. Такой музей не нуждается в сравнительном материале и может быть строго замкнут в том районе, который ему строго определен.

Но когда мы переходим к большим музеям, республиканским или областным, а особенно к музеям всесоюзным, мы (л. 365) неизбежно становимся перед необходимостью привлечения значительного материала из-за границ, поставленных как границы территории данного музея. Пред-

---

¹ Сегодня г. Лохвица Полтавской области (Украина). Видимо, имеется в виду Лохвицкий краеведческий музей им. Григория Сковороды, основанный в 1919 г.

ставьте себе музей, который должен работать в общесоюзном масштабе. Может ли он, изучая украинцев, ограничиться только изучением той части, которая осталась по эту сторону чисто искусственной политической границы? Или когда мы выставляем в музее бурят, можем ли мы их полностью понять, если рядом не будут показаны монголы, оказывающие на них значительное влияние?

Какие же границы музея? Это границы хронологические. Конечно, музей должен в течение всего времени своего существования отмечать все изменения культуры, которые он наблюдает. Но совершенно также ему необходимо углубляться в исторический материал, который не может быть оторван от современного. Таким образом, весь исторический материал, поскольку музей может в него углубиться, должен войти в состав его изучения. Сквозь материал исторический музей проникает в материал доисторический, охватывает его до глубины, до какой можно проследить связь с данными этническими группами или с данными народами. Это совершенно необходимо, потому что доисторический материал без материала современного понять не может. Дело не только в том, что отдельные предметы даже и в комплексе оказываются непонятными...

(л. 366) Если вы побываете в музее, который занимается только одним археологическим материалом, вы неизбежно будете чрезвычайно утомлены. В Историческом музее в Москве вы устаете не потому, что материала много или он плохо выставлен, а потому что этнографический материал дает только обломки культур и только в том случае, если вы покажете его рядом с современным материалом, характеризующим данную культуру, только тогда вы избегнете этого утомления, потому что материал будет значительно понятнее. Я иду несколько дальше, чем Борис Матвеевич в этом отношении. Мне кажется, что музей такого типа, как я его описывал, безразлично этнографический или этнологический, не может ограничиться материалом, связанным с данными этническими группировками. Он неизбежно должен охватить всю культуру, которая существовала на данной территории. Мы больше не верим, что культуры могли исчезать бесследно. Когда мы изучаем культуры, которые возникали одна за другой, мы отчетливо и последовательно видим их связанность одну с другой. Эта преемственность, которую мы наблюдаем у культур, принадлежащих к различным этническим группировкам, заставляет нас поставить в круг нашего изучения и этот материал, и тот, который относится к городским типам культур. Эта городская культура шла в окружении общих культур, на которые оказывала непрерывное влияние. Если бы отказались от включения этих культур в наш круг изучения, мы бы отсекли 12 городских классов, которые выросли рядом или над культурной основой. Таким образом, Этнографический музей собирает весь материал, относящийся к историко-культурным процессам, и рассматривают как единственный в пространственно-хроно-

логическом отношении. Мы устанавливаем границы территориальные, но эти границы условны, и мы должны помнить и проводить их по чисто техническим причинам. На границах Советского Союза не прерывается та цепь, которая связывает отдельные культуры между собой, но технически советская страна будет изучаться подробнее, полнее, чем весь остальной мир. Во-первых, потому что это более доступно и, во-вторых, потому что этот метод для нас имеет наибольшее практическое значение, но вообще музей мирового охвата, конечно, возможен, он является завершением музейной схемы.

(л. 367) Где же верхние границы этнографического материала? Тут я должен вспомнить тов. Преображенского, который сказал, что мы присутствуем при двух замечательных моментах. Первый момент, когда одна культура действительно обтекает весь земной шар, культура, которую мы можем по ее происхождению назвать европейской цивилизацией, становится культурой интернациональной. Это продвижение идет неравномерно и прошло еще не всюду, но, действительно, эта культура становится интернациональной и нивелирует все, что встречает на своем пути. И тот момент, когда интернациональная культура вступает в игру, должен явиться верхней границей нашего музея. К этому принципиальному моменту присоединяются и практические соображения. К тому моменту, когда культура достигает такого развития, что приобретает необычайно сложную полноту, то выставить ее технически в одном месте невозможно, и совершенно естественно, что части нашего Этнографического музея должны превратиться в колоссальный самостоятельный музей. Наши скромные орудия для обработки волокнистых веществ превращаются в фабрики, средства продвижения — в современные пути сообщения, — все это должно показано в огромном музее, но мы технически не могли бы показать все вместе: осмотр такого музея был бы невозможен, так же как и пользование им. Конечно, происходит это не сразу, но одновременно все элементы культуры приобретают характер фабрично-городской цивилизации. Это происходит последовательно: сначала появляются отдельные предметы, затем появляются смешанные комплексы, которые в течение долгого времени сохраняют этнологический характер. Большинство предметов из тех институтов, которые мы там находим, уже давно утратили свой этнический характер. Когда фабрично-заводские орудия постепенно вытесняют тот инвентарь, те изделия, которыми пользуется данный народ, тогда эти пришлые явления слагаются в определенный комплекс, который часто остается долго характерным для данной группы. Таким образом, происходит постепенная смена, и это музеем должно быть учтено. Для музея не следует приобретать все машины, сел[ьско]хоз[яйственные] орудия американского типа, которые входят постепенно в обиход. Это дело сел[ьско]хоз[яйственного] музея, но фиксировать эти процессы, постепенную замену — значит подойти

к динамике этих процессов, что является совершенно необходимым. В известном моменте наши музеи расчлняются на целый ряд индустриальных и др. (л. 368) музеев, которые соответствуют частям наших музеев в современном фабрично-заводском быту. В интернациональной культуре изучать динамику этих процессов мы должны. Некоторые стороны очень долго сохраняют этнический характер. В частности, тот пример, который привел Петр Федорович. Должны ли мы изучать быт Чемберлена, потому что он отличается от быта наших советских работников? Я скажу, что да, должны. Должен быть такой отдел личного быта, который должен заключаться в Русском музее, в историко-бытовом отделе, который бы фиксировал бы детальное отличие между бытом высших классов, оторвавшихся от национальной народной культуры.

Я должен вспомнить проф. Преображенского при следующих тезисах, когда он сказал, что мы должны иметь другой замечательный момент, — это то, что мы присутствуем при первом широком опыте социалистического строительства, при создании совершенно новых форм общественной жизни и это налагает на наши музеи очень важное обязательство. Дело в том, что изменения, которые происходят сейчас с чрезвычайной быстротой и бурностью, когда явления быстро сменяют[ся] одно другим и многие из них уже исчезли. (л. 369) <...> многое уже изучалось в период первых революционных лет. Много явлений уже было таких, которые отошли далеко назад. Для того чтобы уловить динамику процессов в этот бурный период, музеи должны очень тщательно за ними следить, потому что такой момент больше не повторится не только на нашей памяти, но, может быть, и никогда. Перед нами происходит совершенно новое строительство, и зафиксировать это строительство музеи должны. Вот, мне кажется, те границы, которые мы должны поставить материалу Этнографического музея.

Но есть еще один вопрос, связанный с ним, — это вопрос об окружении этого материала. Если музей будет собирать только голые предметы, описывать только явления, которые он наблюдает, то этого будет недостаточно. Нужно дать этому окружению известное освещение. Ведь все эти предметы имеют свое экономическое основание, свою базу и в то же время находятся в определенном окружении. И этот материал также должен собираться, чтобы быть использованным вместе с основным материалом.

Но не думайте, что я хочу сказать, что музеи должны вести полностью работу по экономическому исследованию, работу статистического характера. Нет, существует принцип разделения труда, который заставляет нас в таком случае, пользоваться работой тех, кто для этого специально поставлен. Я говорю о том, чтобы проделывать эту работу в круге той узкой специальности, которую данный научный сотрудник музея ведет.

Я считал бы целесообразным, что если кто-нибудь хочет изучить гончарный промысел в определенном районе, то он должен собрать материал,

дающий экономическое обоснование этому промыслу. Но было бы неправильно, если бы он занимался широкой экономической задачей. Это за него гораздо лучше сделают другие, и их результатами он воспользуется.

Теперь относительно качества материала. Лучшим материалом, конечно, является тот, который музеи собирают (л. 370) сами. Поэтому для музея представляется существенно важным и необходимым не ждать, пока материал будет доставлен со стороны или от чужих экспедиций, а он сам самостоятельно должен проделать эту работу, помня, что только такой материал будет иметь научное основание и только такой материал будет соответствовать его задачам. Всякий же лишний материал является обузой и должен быть из музея устранен.

Поэтому для музея важно вести работу исследовательского характера, в виде экспедиций, командировок, в виде работы на своих станциях, которые у него должны быть, и наконец важно установить связь с работниками на местах, из которых потом складывается сеть корреспондентов музея. Только это может обеспечить точное соответствие материала с задачами музея.

Не весь тот материал, который музей собирает, попадает на постоянную выставку. Значительная часть уходит в так называемые резервы. Но я хотел бы сказать, что эти резервы не должны быть оторваны от материала, помещаемого на выставке, так как они составляют одно целое. В сущности говоря, было бы правильно говорить вообще об одном органически слитом музейном материале, часть которого потом помещается на выставке.

Для чего создавать эти резервы? Резервы являются не только опорой выставки, но они дают возможность расширять эту выставку, показывая более подробно отдельные темы, освежая ее, или дают возможность создавать выставки исследовательского характера, лабораторного типа.

Эти же резервы служат, как определил А. А. Миллер¹, той библиотекой, которой пользуются научные сотрудники. Когда вчера Б. А. Куфтин говорил о том, что музей должен служить хранилищем того материала, из которого исходит будущий исследователь, он был прав. Музей должен быть таким хранилищем, и в соответствии с этим он должен (л. 371) быть определенным образом организован. Библиотека — так библиотека. Значит, резервный материал должен быть приведен в систематизированный и законченный вид, должен быть создан справочный аппарат, которым можно было бы так же легко пользоваться, как библиотекой.

---

¹ Миллер Александр Александрович (1875–1935) — археолог и этнограф, специалист по Северному Кавказу. Профессор ЛГУ, председатель этнологического отдела и Северокавказской экспедиции ГАИМК, сотрудник Русского музея. В 1933 г. арестован по так называемому «делу славистов» (Российской национальной партии), умер в лагере.

Теперь мы должны перейти к научно-исследовательской работе, которая лежит в основе работы просветительной. Совершенно невозможно представить себе, как была вчера попытка это сделать, что может быть полевая работа без предварительной подготовки. Совершенно также невозможно представить, чтобы музей собирал материал для себя без предварительной подготовки. Уже самый сбор материала предусматривает предварительную исследовательскую работу. Для того чтобы хорошо использовать имеющиеся у нас время и деньги, необходимо заранее быть знакомым с теми материалами, с теми народами, куда едут собирать материал. Уже первоначальная обработка материала, попавшего в музей, требует исследовательской работы для уяснения значения данных предметов.

Недостаточно также делать простое описание предметов или отдельных элементов культуры. Важно также найти место этих предметов в общей картине. Необходимо определить то значение, которое эти предметы имеют в общеисторико-культурных процессах. Таким образом, работа научно-исследовательская в музее не может быть сведена к первоначальному описанию. Ведь только из этих исследований, о которых я говорил, определяющих местное значение данного предмета или данного комплекса, только из них мы можем получить общую характеристику данных элементов культуры или народов, которые затем будут отображены в наших экспозициях. Иначе экспозиции будут построены случайно, по принципу просто выставки, демонстрации предметов, от чего мы отошли и к чему, надеюсь, больше не вернемся. Таким образом, вся эта предварительная исследовательская работа должна вестись, а затем проектироваться на музейной (л. 372) выставке.

Может, это будет излишним повторением, но, чтобы вполне закончить эту тему, я скажу, что материал, собранный музеем, не составляет его собственности, а принадлежит обществу. Следовательно, он должен быть опубликован. Сырые материалы и исследования, которые удалось произвести, должны найти отражение в тех научных трудах, которым музеи очень мало, к сожалению, могут посвящать и времени, и денег. Но этот круг должен быть разорван. И мы надеемся, что эта сторона постоянно будет улучшаться.

Остается вопрос относительно перенесения исследовательской работы в исследовательские учреждения. Я считаю, что чрезвычайно желательным было бы объединение деятельности музеев с деятельностью исследовательских учреждений. Мне представляется, что многие работы могут быть проведены совместно, могут быть согласованы.

Наконец, я представляю себе, что музеи могут поручить подобрать определенный материал и проработать определенные вопросы <...> исследовательским учреждениям. Из этого не следует, что исследовательская работа может быть как-то от музея оторвана. Это также невозможно, как

не может быть оторвана исследовательская работа, например, от вузовской кафедры. Речь идет о том, чтобы объединить, согласовать работу, но не отрывать. Это может привести или к тому, что в исследовательских учреждениях работа будет вестись теми же сотрудниками и на том же материале, или это вызовет смерть музеев, превращение их в кунсткамеры, которыми они не так давно были.

(л. 373) Работа просветительная базируется, прежде всего, на постоянной экспозиции, которая является как бы лицом музея. Ведь постоянная экспозиция должна отразить установку музея и те задачи, которые перед музеем стоят. И так я говорил, что центральное место в просветительной работе музея должна занимать постоянная экспозиция. На нее опирается вся остальная культурно-просветительная работа и на ней поэтому нужно остановиться. Постоянная выставка должна отразить идею музея, его задачи его установку. Это обязывает к тому, чтобы основная идея выставки была проведена последовательно во всех частях музея, о чем говорил Б. М. Преображенский¹. Из этой экспозиции необходимо выкинуть все, что затемняет основное. Нужно отчетливо подчеркнуть основное и ту экономическую базу, на которой она развивается. В основу экспозиции должен лечь производственный принцип. Только производственный принцип может раскрыть те процессы, которые развиваются на данной территории в кругу наших этнических группировок. Музей на своей экспозиции должен объяснить зависимость этих форм от природных условий, которые его окружают. При помощи материала доисторического и исторического должна быть показана подготовка того быта, который мы наблюдаем сейчас, и при помощи переходного материала нужно показать зависимость форм в быту данного народа от соседей и тех культурных влияний и связи, которые между отдельными народами можно установить. Динамика культуры помогает нам раскрыть классовый разрез, который мы можем демонстрировать для тех народов, у которых он отчетливо выражен. Само собой разумеется, что экспозиция должна быть сделана так, чтобы она могла быть понятной всякому посетителю без какого-либо руководителя, то есть она должна быть не только отчетливой в своем построении, но должна также иметь объяснительный материал. Это ни в какой мере не освобождает музей от организации такого аппарата или от помощи такого аппарата, который бы дал возможность эту выставку наилучшим образом использовать. Вот почему, несмотря на всякий этикетаж, необходимо иметь консультантов, которые находились бы в зале и разрешали бы недоумения посетителей, чтобы музей помогал (л. 374) Политпросвету, а в Москве самостоятельно вел экскурсионную работу, чтобы имел литературу, которая освещала бы те предметы, которые у нас выставлены.

¹ Здесь перепутаны инициалы (видимо, Соколов) и фамилия (Преображенский).

Затем вопрос о расширении углублении выставки. Это должно заключаться в том, чтобы при помощи постоянных, временных выставок, докладов и концертов давать возможность углубить знания по тому предмету, материалу, который в музее можно демонстрировать. Наиболее возможной формой являются рабочие университеты. Они интересны не только потому, что дают кадр лиц, более систематически познакомившихся с нашим материалом, но и потому, что этот кадр лиц явится как бы пропагандистами изучения этнографических идей. Я скажу, что только в целях преемственности работы в музеях музей должен заранее позаботиться о подготовке [в] своей среде смены, чтобы это обеспечило работу музея без каких-либо затруднений.

Я пропускаю вопрос о научно-вспомогательных учреждениях, который в моих тезисах изложен, и перехожу к вопросу организационного порядка. Нельзя всегда начинать сызнова. Музеи должны явиться хранилищем той работы, которая была когда-то сделана, об этом говорил тов. Куфтин. Таким образом, мы должны сказать, что только правильно организованная сеть музеев может лечь в основу этнографического изучения стран, но сеть должна быть сложной и должна покрыть всю страну. Местные музеи краеведческого типа должны собирать этнографический материал, исчерпывающий по своему району. Эти музеи имеют принципиальные особенности. Только в таких краеведческих музеях мы должны найти полную пропорциональность между этнографическим материалом по данной территории. Только в нем мы можем найти достаточное равновесие в экспозициях и достичь если не полной увязки материалов экспозиционных этнографических с остальными материалами, то во всяком случае территориальной близости, которая облегчит использование их. Что касается областных и республиканских музеев, то тут возникает известная их специализация. (л. 375) Они обычно принимают такой размер, что их этнографические и зоологические части приобретают такой большой объем, что становятся самостоятельным отделом учреждением. Они, конечно, не могут с такой полнотой работать по своему району, но могут в более общих чертах представить картину данной области с более широкими перспективами. Особенность этих музеев должна была бы заключаться в том, что они должны накапливать основные научные резервы, которые затем должны быть использованы специалистами. Что касается музеев, имеющих всесоюзный охват или мировой, то они лишены возможности с такой полнотой изучать всю свою территорию. Они не могут останавливаться на деталях, а должны себя целиком посвятить регистрации возникающих новых явлений в быту тех народов, которые они изучают. Их значение определяется охватом огромной территории сложного материала, который дает возможность раскрыть такие перспективы, какие ни областные, ни республиканские музеи выявить не могут. Это поведет к широкой исследовательской работе,

в процессе которой может быть выбран нужный материал из всей массы того материала, который предлагается к их услугам. Все музеи, которые будут на данной территории, должны быть связаны рабочей связью.

Было бы пагубным, если бы одни музеи по отношению к другим начали играть роль административную. Речь идет только о рабочей связи, которая представляется необходимой и должна выразиться в совместной проработке планов, вовлечении сотрудников одного музея в работу других.

(л. 376) <...> конечно, очень желательна связь музеев, работающих в соседних областях. Это дало бы возможность правильно распределить работу, создать правильную организационную сеть.

Я считаю, что музеи должны быть музеями всесоюзного мирового охвата. Они имеют много общих задач методического характера, задач уточнения работы и объединения этой работы и наконец ведения этой общей работы исследовательского характера. Все это наилучшим образом могло бы быть выполнено Ассоциацией центральных гуманитарных музеев. Именно ни какое-нибудь учреждение, стоящее над музеями или вне их, а такая межмузейная организация дала бы возможность музеям планомерно и отчетливо работать. Если бы могли создать такую Ассоциацию центральных музеев, мы получили бы как раз аппарат не ведомственный, не административный, а чисто рабочий аппарат, который наилучшим образом согласовал бы работу и дал бы возможность вести ее наиболее планомерно.

(л. 377) *Плисецкий*

Я коснусь только просветительной работы этнографических музеев. Основной тезис докладов о музейном строительстве заключается в признании, что музеи являются в одинаковой степени научно-исследовательскими учреждениями.

Тезис этот в настоящее время начинает завоевывать право гражданства. Но все же, несмотря на имеющийся в этой области сдвиг, приходится констатировать, что, в общем, музеи еще не в достаточной степени включили себя в общую цепь учреждений, ведущих работу в области политпросвещения. А между тем этнографические музеи, будучи научно-исследовательскими учреждениями, должны занять в этой области почетное место. Это исходный пункт, под знаком которого должно проходить дальнейшее музейное строительство. Обслуживая широкие посетительские массы, в большей части массы мало посвященные в вопросы этнографии, музеи должны перестроиться таким образом, чтобы при затрате минимального количества времени быть понятными посетителю.

В частности, раньше, чем показать посетителю конкретные темы, необходимо дать ему понятие о культуре в широком смысле слова — понятие о человеке, и среде, и эволюции культуры. Лучшим для этого средством является организация общего отдела, дающим схематичное понятие

о смежных с этнографией дисциплинах — антропогеографии, антропологии, а также о структуре человеческого общества и политическом его устройстве. Такой отдел должен быть построен на конкретном материале и ничем не отличаться от остального музея.

Такой отдел не должен, однако, свестись к так называемому «вводному кабинету». Кабинет — это придаток музейного дела. Данный же отдел должен быть органической частью всего музея. Что касается экспонируемых в музее тем, то они до[лжны] быть тесно связаны с современностью и служить целям актуальных задач советского строительства.

Конкретно увязка Этнографического музея должна быть сделана по линии отображения происходящих в быту и хозяйстве сдвигов, содействия поднятию производительных сил страны и отображения пережитков, мешающих строительству.

(л. 378) В частности, следует отметить отдельные моменты. 1) Этнографические музеи являются прекрасным средством пропаганды новых(?) задач реконструкции сельского хозяйства. На основе пережитков в земледелии весьма легко построить тему о переходе к повышенным формам земледелия. 2) Весьма важным моментом является помощь кустарю как в деле ознакомления его с улучшенными формами производства и образцов, а так и в деле ознакомления с его продукцией потребителя. Это относится главным образом к районам, где краеведная¹ работа или вовсе отсутствует, или слабо развита. 3) Для СССР, этнически мозаичной страны, национальный вопрос является одним из важнейших, и освещению его должно быть уделено большое место. 4) Строительство нового общества требует от нас, чтобы вопросу раскрепощения женщины и улучшению условий ее труда и быта было уделено максимум внимания. 5) Особо следует фиксировать внимание музеев на вопросе религиозных верований. До сих пор музеи в этой области сделали крайне мало.

Музеям следует учесть, что посещение их рабочими бывает в большинстве случаев однократным. Естественно возникает вопрос о том, чтобы с посетившим музей посетителем не была окончательно порвана связь. При наличии ее она создаст стимул и для повторного посещения музея. Связь эта в первую очередь должна быть установлена через популярные листовки и брошюры по отдельным вопросам постановки лекций в рабочих клубах и т.п. мероприятий.

Музеи только тогда сумеют увязаться с пролетарскими массами, когда последние примут участие в их строительстве. Теперь же целесообразно поставить другой вопрос — о шефстве пролетарских коллективов фабрик и заводов над музеями. Здесь не место спорить о формах такого шефства. Они легко могут быть найдены. В частности, некоторую работу в этом

¹ Краеведческая.

отношении проделал Музей народоведения, только в таком случае рабочий (да и школьный) коллектив будет смотреть на музей как на нечто свое, как на нечто близкое, так же как он смотрит на свой клуб. Осуществление этого тесно связано со многими частными вопросами, как выделение специальных комнат для отдыха, (л. 379) открытие при музеях читален, кино и пр. Но это только частности, которые будут разрешены с разрешением общих намеченных мною вопросов. До тех пор пока основной взгляд на музей как учреждение, призванное обслужить широкие посетительские массы, не будет усвоен всеми без исключения музейными работниками, до тех пор пока научный сотрудник музея не станет и культурно-просветительным работником музея, до тех пор все разговоры о приближении музеев к современности останутся только разговорами, только данью современности и только.

Теперь несколько слов о составе лекторов-руководителей. Мы до сих пор не имеем достаточно квалифицированного и идеологически проверенного кадра. Вопрос этот весьма важный и требует срочного разрешения. Но он относится уже к другому вопросу — вопросу о подготовке смены. Следует надеяться, что новые кадры, в которых мы чувствуем настоятельную нужду, будут созданы. Залогом для этого является та молодежь, представителей которой мы видим на данной конференции и которые должны заменить некоторую часть нашего «актива»

(л. 380)

Прения по докладам Соколова и Крыжановского

[Неизвестный оратор]

Я остановлюсь на вопросах, которые мне представляются чрезвычайно важными из вопросов, затронутых обоими докладчиками.

Вопрос первый. Буду говорить в форме тезисов, чтобы не терять напрасно времени. Вследствие целой залежи этнографических коллекций, накапливаемых десятилетиями в наших музеях, необходимо поставить вопрос об отдельных нужных коллекциях для разрешения тех задач, которые нам нужны. Как раз первый тезис тов. Соколова и говорит о наших задачах, также говорит об этом и второй докладчик, с которым согласны все. Исходя из этих задач должна быть построена музейная техника, под которой я понимаю экспедицию, просветительную работу и всякие другие моменты музейной работы. Между тем мы до сих пор этого не наблюдали. До сих пор центральные музеи грешат параллелизмом, в результате которого получается снаряжение экспедиций в те районы, где экспедиции музея уже были раньше. Отсюда залежи коллекций, куда трудно добраться постороннему человеку, который хотел бы поработать на этом материале, точно так же как и самому музейному работнику. Это нужно изжить, и наше

совещание должно реально поставить этот вопрос. Второе, что в значительной мере мешает проведению реформе музея, — это не только теснота помещений, но и чисто психологический момент. О нем говорил первый докладчик, а именно — что существует такой разнообразный фетишизм: пусть коллекции будут гнить (не нужно смущаться говорить об этом, так как такие факты есть), пусть будут параллельные коллекции, но мы все-таки будем их накапливать, потому что это коллекции нашего музея и мы не выпустим их за стены нашего музея. Где же здесь обмен с провинциальными музеями? Бывают такие обмены, которые проходят по принципу: охотно дарим, что нам не нужно, но обмена, основанного на том, что важнее для данного музея, — этого у нас нет. Второй докладчик высказал ценную мысль об организации ассоциации музеев. Только с тех пор, когда мы встанем на правильный путь разрешения сложных и важных организационных задач в музейном строительстве, когда разрешение музейных задач выйдет из тиши, из сферы кулуарных, кабинетных разговоров отдельных лиц, а будет это дело предано мировой общественности, только тогда мы будем знать, правильно ли расходуются те крупные средства государства, которые отпускаются на музейное дело, дальше — регистрация.

(л. 381) И, наконец, вопрос чисто ленинградского порядка. О нем упоминал первый докладчик, а именно как о желательной увязке деятельности Музея антропологии, этнографии с Русским музеем. Пора сказать вслух то, о чем ведутся потихоньку разговоры: мы подходим к вопросу о слиянии этих двух музеев, необходимость которого диктуется ненормальным их до сих пор положением.

(л. 382) *Черешков*¹

Тов. Крыжановский в своих тезисах отклонился от прямого ответа на вопрос, который должен был быть сегодня поставлен. В первом тезисе он на вопрос, чем должен являться музей, отвечает, что перед музеем стоит задача собирать и хранить памятники для изучения и использования с просветительной целью. Я считаю, что неправильно ставить вопрос, что есть трехчленная формула, которую никак не перейти и все положения которой одинаковы. Год назад на краеведческой конференции музейные работники определяли музей как научно-исследовательское учреждение. Ныне времена не те, от этой формулы приходится отступить, и поэтому выбирают такую витиеватую формулировку.

Какие задачи стоят перед музеем? Нельзя себе представить, чтобы ни одно из положений, выставленных докладчиком в качестве задачи музея, не являлось доминирующим.

---

¹ Личность установить не удалось.

Как можно собирать или изучать памятники, не зная, для какой цели, они предназначаются? Что определяет, в конце концов, собирание и изучение памятников? Ведь если мы будем работать, не зная дальнейших перспектив, то можно набрать такие памятники, которые нужно будет сдать в резерв. Если вы будете изучать памятники, не поставив конкретных просветительных задач, вы тоже можете производить работу впустую.

Пора откровенно и определенно поставить вопрос, что музеи являются политико-просветительными учреждениями, это нисколько не умаляет научно-исследовательской работы. Нас, политпросветчиков¹, обычно обвиняют в том, что мы хотим принизить музеи, отнять от них научно-исследовательскую работу. Ничего подобного. Научно-исследовательская работа остается при музеях, но ставятся границы ее собирательской и научно-исследовательской деятельности.

Прав был тов. Данилин, который усомнился в реальности программы, выдвигаемой докладчиком. Недаром докладчики отмахнулись от дела рук своих. Почему они, музейные работники, (л. 383) признавая, что их музеи несовершенны, совершенно отошли от них и начали строить какой-то отвлеченный музей, забывая, что их музей нужно только перестроить. Это подчеркивает нам опасность того, что и на этот раз вопрос о перестройке музеев, после этого этнографического парада, будет снова отложен, положен под сукно.

До тех пор пока перед музеями не будет поставлена четка[я] задача, что они являются политико-просветительными учреждениями, вы будете мариновать в портфеле ваши прекрасные проекты, а дело с места не сдвинется.

Второй вопрос — относительно краеведческих музеев. Здесь они выставляются в качестве меньшего брата, которого можно иногда использовать в определенном направлении, можно кое-чему подучить. Но до того, чтобы поставить эти музеи в качестве равноправных учреждений в ряд с музеями этнографическими, мысль этнографов-музееведов не дошла.

Тов. Соколов говорит о том, что музеи в значительной степени еще являются вотчинами и далеки от того, чтобы перераспределять ценности. Почему не пойти дальше и не сделать перераспределения не только между центральными музеями, но и поделиться богатствами с краеведческими музеями.

Мне кажется, что мы должны вменить в обязанность центральным этнографическим музеям вести подготовку и переподготовку музейных работников, краеведов.

---

¹ Политпросвещение — политическое просвещение. Деятельность, связанная с внедрением и массовым распространением политических знаний.

Мне хочется указать на один вопрос, который до сих пор в наших музеях обходился, — этот вопрос об антирелигиозной установке наших экспозиций, вопрос, который политпросвет упорно выдвигал перед этнографическими музеями. И что же вы думаете, пришли хо[т]ь раз этнографические музеи и на помощь политпросвету? Ничего подобного, они считали, что, если этнографический музей пойдет по линии отображения антирелигиозных моментов, это явится принижением науки.

Я считаю, что, если этнографические музеи хотят стать на путь не только отображения быта спокойного, статического, а хотят своими выставками содействовать преобразению (л. 384) этого быта, они должны отказаться от мысли, что некоторые проблемы, выдвигаемые советской властью как проблемы актуальные, являются ненаучными, что за них не следует драться научным работникам музея.

Еще один вопрос — относительно «вотчины». Я сказал бы, что действительно наши центральные музеи представляют собой феодальные крепости. Я приветствую выступление Соколова, когда он говорил, что нужно развернуть все потенции музея, нужно опереться на молодежь. Но что мы видим на деле? Действительно ли вы опираетесь на эту молодежь? Мы имеем факты, как раз противоречащие этому утверждению. Когда в одном из ленинградских музеев комсомольцы-аспиранты шесть месяцев не допускаются к этой работе, это разве есть ставка на молодые силы? Это есть зажим молодых сил, которые не могут «сметь свое суждение иметь»¹. Обстановка музеев такова, что там критика рядового, научного работника недопустима.

В нашем Музее этнографии и антропологии научные сотрудники не допускаются в Совет. Юридически ему говорят «пожалуйста», но когда происходит заседание Совета, ему заявляют: «Лучше занимайтесь своим делом — вы в это время нужны в кабинете».

Когда ваш покорный слуга однажды в ячейке позволил себе выступить с критикой одного из руководителей музея, один из ответственных работников не преминул принести на меня жалобу: мы, мол, делаем вам любезность, представляем ваши интересы, а вы критикуете нас. Это разложение сотрудников. Вот как рассматривается критика в музеях! Вы представляете, что если так относятся к критике политпросветработника, ни в какой зависимости не находящегося от музейной работы, то что можно сказать о положении рядового научного работника.

Нужно всячески протестовать против зажима и режима, существующих в музее. Действительно нужно раскрыть форточки, проветрить музеи, и только тогда можно приниматься за новую работу и осуществлять те планы, которые вы намечаете.

Дальше — регистрация.

---

¹ Слова Молчалина из произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

(л. 385) *Шнейдер*¹

В развитии темы обоих докладов и несколько углубляясь в практику работы, я хотел бы остановиться на двух вопросах. Первый вопрос — о быте музейного работника, о том, как складывается его работа, и второй вопрос — о технике музейного дела. Мне могут возразить, что эти вопросы как будто не совсем относятся к теме настоящего доклада, но я постараюсь доказать, что это вплотную к ним примыкает, особенно первый вопрос — о быте музейного работника. Мне кажется, что он имеет прямое отношение, так как теоретическое предназначение основного плана и проекта только тогда имеет цену, когда оно построено на реальной возможности, когда составлено при учете практического применения в жизни. Посмотрим, как живут музейные работники, как они работают. Тот, кто работает в музее и знает, какая это кропотливая работа и как она велика по своему масштабу: здесь и устройство постоянных фундаментальных выставок, и постоянный переучет укладываемых в резерв предметов и т. д. Эта работа, с одной стороны, научная, с другой — просветительная, но то, что дает эта выставочная работа, конечно, незначительно. Жизнь требует от нас более широкой просветительной работы, и мы ее делаем: мы читаем лекции в рабочих университетах на специальные темы, делаем доклады, ведем экскурсии и т. д. Хотят ли, чтобы эта работа была качественно высока? Я думаю, конечно, да, но для этого нужны особые условия. Музейный работник должен быть вместе с тем и научным работником. Это уже подчеркивалось в докладах, и я хочу еще больше заострить этот вопрос. Но для этого нужно, чтобы музейный работник имел возможность работать в поле, работать стационарно, он не должен остаться только скупщиком этнографических экспонатов в поле, он должен собирать сведения, не только связанные с собиранием предметов, и не ограничиться изучением материальной культуры. Это истина, которую бы не следовало подчеркивать, если бы не раздавались голоса, об этом говорящие. Часто приходится слышать, что на деле музейный работник занимается вопросами, непосредственно не относящимися к музейным экспонатам, что его дело сводится только к тому, чтобы собирать экспонаты в поле и прицепить к ним этикетку: где говорилось бы о названии предмета, (л. 386) его назначении, названии народности и т. д. Думаю, что этого мало. Для музейного работника необходимо изучение отдельных народностей вне зависимости от собрания предметов, для того чтобы музейный работник не превратился в музейного техника, оторванного от жизни и науки, чтобы не подрубить то дерево музейно-просветительной работы, которое мы стро[и]м. Конечно, тр[и]виален вопрос о том, нужно ли музейному работнику знать литературу, но посмотрим: может ли он знать и как он это делает, какое время

¹ Личность установить не удалось.

он посвящает изучению литературы? Он посвящает этому вечернее, а иногда и ночное время. Но много ли времени он этому уделяет? Я скажу, что немного. Ставка музейного работника — 80 рублей, я говорю о младшем музейном работнике. На эту сумму существовать музейный работник не может, не говоря уже о том, что эта ставка не позволяет ему приобретать научную литературу, которая часто бывает ему необходима, он не может просто материально обеспечить себя, и музейный работник должен посвящать вечернее и ночное время на научную работу и изыскивать средства к своему существованию. Это явление совершенно ненормальное. Строитель, когда производит расчеты здания, учитывает крепость материала и ту нагрузку, которая будет на него возложена. И мы должны сказать, что эти расчеты по отношению к музейному работнику сделаны неправильно. Нужно поставить вопрос прямо: сколько дано, столько и отдано. Нас не нужно обвинять в том, что мы не имеем достаточного пафоса в работе. Наоборот, и нам не нужно пояснять, что наше государство находится в тяжелых материальных условиях. Мы это знаем и напрягаем все усилия для продвижения нашей работы вперед, но все же музейный работник — не двузильное (простите за выражение) существо, мы просим немного, а именно: возможности посвящать известное время только научной работе, а не той, которая не имеет к ней никакого отношения.

В технике музейного дела, мне кажется, необходимо обратить внимание на транскрипцию туземных названий, которая производится в музее разнообразно. Одни предметы академической транскрипции, другие имеют латинское название и т.д. Этот вопрос должен быть урегулирован.

(л. 387) Дальше: регистрация предметов должна быть более полной. Предмет должен быть связан большими нитями с той средой, из которой он вышел. Здесь иногда раздаются опасения некоторых работников относительно того, что опасно включать в регистрацию, которая находится в музее, полные сведения, боясь, что их работа будет использована как-нибудь. Это заявление совершенно ненормальное, но, может быть, имеет под собой почву в том отношении, что собирание материалов не является простой механической работой, а работой научно-исследовательской, так что здесь надо поставить вопрос об авторском праве, который, может быть, осветят другие докладчики.

Что касается доклада Бориса Георгиевича¹, то я присоединяюсь к нему целиком, но хочу все же сделать возражение. Он говорит, что центральные республиканские музеи не должны обращать внимание на детали. Это неправильно. Центральный музей должен быть сопоставлен с публичной библиотекой, где все должно быть представлено, возможно, полнее. Только в таком случае мы можем иметь материалы для нашего широкого изучения.

---

¹ Имеется в виду Б. Г. Крыжановский.

Разрешите высказать мнение по поводу положительного отношения к введению культа в выставку восточных славян, которое было проделано Соколовым.

(л. 388) **Богораз**

Я должен внести некоторую поправку в слова предыдущего докладчика по поводу музейного оформления и музейной работы в области антирелигиозной пропаганды. Пять лет тому назад в Музее антропологии и этнографии Академии наук был отобран материал в области религиозной, который потом лег в основу Музея <...> воспроизведения этих предметов для распространения в разных областях СССР, как раз в области оформления религии, значит, одновременно и оформления антирелигиозной пропаганды. Но это возражение вовсе не значит, что я не согласен со многим из того, что говорил предыдущий оратор. Я приветствую, что некоторые фиговые листки, оболочки уже сняты, их нужно было снять рано или поздно. Это совещание этнографов СССР призвано сделать какой-то поворот — движение вперед. И мы надеемся, что оно это сделает. В нашей деловой практике второй день имеется такой прецедент, что один докладчик говорит по программной работе, другой — по исполнению работы. И я в качестве работника трех музеев СССР чувствовал себя в несколько невыгодном положении. Вчера я мог говорить по программе, больше всего по исполнению программы, а что мне сегодня нужно говорить — это несколько труднее. Если взять программу работ, которая была перед нами [с]формулирована докладчиком, развита широко и подробно, то я думаю, что я разделяю эту программу, считаю ее приемлемой, но сделать по поводу этой программы какие бы то ни было частные указания я считаю сейчас несколько излишним, по крайней мере для меня. Это программа будущего, и сейчас намечены только отдельные детали, когда мы ее будем прорабатывать, тогда придет время для той или иной критики тех или иных подробностей.

Здесь первый докладчик говорил, что есть старые и новые музеи. Я скажу, конечно, довольно откровенно, что я работник старого музея, даже старейшего, который существует в СССР, того музея, который существует больше 200 лет, который раньше был Кунсткамерой (здесь кунсткамера употреблялась в виде укора), мы выросли из Петровской Кунсткамеры. Накапливая огромные сокровища коллекций этнографии СССР, бывшей царской России и сокровища всемирные, мы не имели возможности расширяться, (л. 389) превратились в музейную или даже какую-то лавку древностей. До [19]25 г. она до половины была завалена вещами, которые там лежали как в сундуках, и только в [19]25 г. советская власть с Академией наук дала нам возможность расширяться. Мы сделали героический подвиг, и я, как участник этого подвига, горжусь, и не ставили тогда вопроса ни о дневной, ни о ночной работе, о быте работника. Я с удовлетворе-

нием слушал первого докладчика о том, что наш музей в СССР является единственным в своем роде, с которым другие музеи не могут, не хотят и не должны соперничать. Несмотря на то что являюсь представителем старого музея <нрзб.> движение вперед, и с этой точки зрения я чрезвычайно приветствую не только доклады, но и ту работу, которая делается в Москве, и наше взаимное отношение Москвы и Ленинграда, которое, как бы мы ни устраняли, все-таки есть: вчера складывалось в одном направлении, сегодня — в другом. Я должен сказать по поводу практической работы, которая ведется в Москве. Я мог бы в дружеской форме сделать ряд замечаний, которые я высказывал и которые были принимаемы здесь во внимание: по поводу, например, художественного оформления музея, по поводу выставки диаграмм, по поводу отдельных фигур и групп, по поводу объяснительных таблиц, экспедиций. (Я вчера говорил, и это относилось ко всем экспедициям), но считаю, что такие частичные указания сейчас излишни, тем более что те поправки по поводу художественного оформления, которые слышались по адресу московского музея, не только несправедливы, но имеют даже некоторое основание в европейском опыте. Первый докладчик ссылался на поездку в Европу. Я сейчас тоже как музейный человек во время моей большой поездки в Европу и Америку осмотрел целый ряд музеев и работал там. 25 лет тому назад я работал в Музее антропологии в Нью-Йорке и первый доклад на конгрессе начал с того, что 25 лет тому назад в этом здании у меня был свой кабинет, а сейчас здесь есть кабинет другого ученого, нашего советского ученого¹. Я вошел там в сферу работников и видел много хорошего. Там есть обилие коллекций, обилие экспонатов, есть выставка, но там не менее многое из того, что там делается, мы можем сделать иначе, и мы делаем иначе. Например, вопрос (л. 390) о диаграмме, который подвергался такой критике в прошлом году, сейчас в главном музее Нью-Йорка (там три больших музея), в Музее натуральной истории, диаграммы применены чрезвычайно широко. У меня с собой есть <нрзб.> снимков этого музея, и есть книжки, которые составляют оформление Вашингтонского музея, где приведены в большом количестве диаграммы, но диаграммы зоологические, они художественны при оформлении зверей, птиц, рыб, но при оформлении людей они недостаточно применяются. В этих музеях человек — до сих пор венец мироздания. В музее Нью-Йорка этнографическая выставка занимает какое-то побочное положение. Я там острил, что в одном и том же зале так, как выставка производится по алфавиту, индейцы выставлены вместе с насекомыми².

¹ Имеется в виду *Владимир Ильич Йохельсон* (1855–1937) — российский и американский этнограф. Один из крупнейших специалистов по этнографии юкагигов, алеутов и коряков. Участник Сибиряковской и Джесуповской экспедиций.

² В английском языке “Indians”, “insects”.

Я скажу несколько слов по поводу заграничных музеев. Тов. Соколов говорил, что заграничные музеи являются созданием единого жертвователя и повинуются этому жертвователю. Это, конечно, позиция феодальная. В Америке я видел Музей индейца, который посвятил все время и деньги на соби́рание коллекций и стоит на точке зрения, о которой все высказывались и которую мы отвергаем: что, так как индейская культура погибает, надо скорей нахватать в музей и пусть она погибает. Он набрал огромное количество материала, но выставки настоящей нет, есть лишь первоначальное накопление сокровищ. Он держит музей в крепких руках, и его сотрудники, люди почтенного физического веса, ходят перед ним на цыпочках. Рядом с феодальной формой музея на Западе есть другая чрезвычайно развитая форма — капиталистическая форма музея, который финансируется и направляется безличной акционерной формой капитала. Во главе музея стоит группа <...> из 12–20 человек, которая снабжает его деньгами. (л. 391) <...> причем, например, существует такая градация: член-соревнователь платит 5 долларов, член действительный — 10 долл., член почетный — 30 долл., член пожизненный — 100 долл., член пожизненный действительный — 1 тыс. долларов и, наконец, благодетель, который платит 25 тыс. долларов; есть еще вице-благодетель, который платит 10 тыс. долларов.

Я видел провинциального деятеля, который на своих карточках поставил «вице-благодетель» такого-то провинциального музея.

Что касается тростистов¹, то в музеях больших они дают деньги, в провинциальных же музеях бывают странные явления. В Гайе, когда умерло четыре богатых тростиста, пришлось свернуть третью часть музейного состава, и два самых лучших деятеля уехали на Запад, где денег больше. Другой случай был в Монтане, где одна политическая партия сменилась другой. Новая была против разбазаривания денег, музей заперли на ключ, перестали топить, оставили только сторожа, а весь научный состав распустили. Вот какое состояние может быть даже в богатой Америке. Не скажу, чтобы это было для нас особенно завидно. После этого предисловия я перейду к существу дела.

Я уже сказал, что в [19]25 г. мы сделали усилия и превратились в музей. Для того чтобы оценить это по существу, нужно сравнить нас с западноевропейскими или американскими музеями.

Если мы возьмем музей Франции, Трокадеро², который был в ужасном состоянии, хотя он не переживал ни разрухи, ни Гражданской войны, который в [19]24 г. имел только одного хранителя и одного суперхранителя профессора Верно³, который туда никогда не приезжал, где в подземных

¹ Не ясно, кто имеется в виду под словом «тростист» (троцкист?).

² Имеется в виду Музей человека в Париже.

³ Личность установить не удалось.

помещениях не было даже электрического освещения (когда единственный хранитель провел меня через эти помещения, я натолкнулся на бога и набил себе шишку), то теперь, когда я был в Париже, я застал следующее: старики устранены, и вместо проф. Верно я застал моего друга, известного ученого Ривера¹, который одновременно является и левым социалистом, и синдикалистом. Хотя он человек немолодой (л. 392) и несколько иного взгляда, чем мы, но на меня пахнуло новым духом. Он собрал вокруг себя молодых работников и среди них русский ученый В. Федоровский², который будет устраивать там большой сибирский зал. Они рассчитывают получить сибирский материал от нас в порядке обмена.

Таким образом, вы видите, что западноевропейские музеи тоже недалеко ушли. Если Берлинский музей стоит впереди нас, то «Трокадеро» остался позади.

Когда я в Америке читал доклад о нашем музейном строительстве, я совершенно явно говорил: нам нужно проделать то-то и то-то.

С другой стороны, я должен сказать, что после того, как мы сделали это великое усилие, движение вперед возможно. Но нашу работу тормозят две вещи, которые от нашей воли не зависят. Во-первых, ужасная теснота. Если мы могли устроить выставку, то магазины совершенно негде устраивать. Наши магазины находятся или на чердаках, где подвергаются опасности пожара (мы постоянно вступаем в столкновения с пожарной властью, которая велит их убрать), или в подвалах, где они подвергаются опасности заплесневеть. Другая причина, мешающая нашей работе, — это та, что наш музей всемирный и должен питаться заграничными экспозициями, а мы их не имеем. Мы собирались устраивать обмен с музеями, но этот обмен нам дает такие коллекции, которые собраны не по нашему плану. У нас целый ряд коллекций, от которых только рожки да ножки.

Я вчера уже говорил, что есть только религия, вооружение, одежда, а производства нет. То, что мы получаем в порядке обмена, можно назвать «вороной за корову», но не нужную «корону». Поэтому наши коллекции стареют, и мы постепенно превращаемся из этнографического явления в археологическо[e].

Если действительно признать, что мы являемся действительно всемирным музеем СССР, то надо сказать, что мы, как в свежем воздухе,

---

¹ Скорее всего, имеется в виду *Rive (Rivet) Поль* (1876–1958) — французский этнограф, антрополог, языковед. С 1928 г. — профессор Парижского университета и директор Музея человека. В 1940 г. примкнул к Движению Сопротивления во Франции. В 1941 г. эмигрировал в Южную Америку, в 1944 г. вернулся во Францию. Изучал индейцев Америки. Выдвинул гипотезу (большинство специалистов не разделяли ее) о связях австралийцев и мелано-полинезийцев с индейцами Южной Америки и происхождении некоторых групп индейцев из Океании.

² Личность установить не удалось.

нуждаемся в возможности устраивать экспедиции в заграничные области Европы, Азии Африки, Австралии и т.д., куда мы ездили раньше.

(л. 393) Я могу с гордостью сказать об экспедиции в Южную Америку, продолжавшуюся с 1914 по 1918 г., устроенную пятью русскими студентами, которые произвели огромную работу¹. Они, вероятно, сделали бы эту работу всемирного значения, если бы не разразилась война, которая заставила их вернуться и защищать свое Отечество. А ведь эта экспедиция имела только по 800 рублей на человека.

Я выражу пожелание, чтобы нам была дана возможность устроить хотя бы одну примерную экспедицию в заграничные области, — прямо руки чешутся. Если мы сумели показать такие большие результаты нашей работы на севере, то я думаю, что и здесь мы можем достигнуть не меньших результатов. Если мы даже соберем коллекцию среди бушменов и папуасов, то мы и здесь превзойдем заграничных ученых, так как мы пойдем по производственной линии, по той дороге, которую мы сами себе создали под влиянием революции. Учтя уроки революции, мы создадим коллекции, которые будут примерными образцами даже в заграничном масштабе.

Если говорить о том, как перейти от этих программ к практике, в частности нашей ленинградской, то я должен сказать, что в реальных условиях, я вижу только единственную возможность, чтобы эти два музея были так или иначе увязаны и согласованы. Дальше я пока не иду. У меня, может быть, как у человека старого, который лет 40 участвовал в работе Музея антропологии и этнографии, есть сознание, что это самое крупное этнографическое сокровище, которым владеет СССР. И поэтому сокровище это нуждается в бережном отношении. И поэтому вопрос о соединении, укрупнении этого музея должен быть поставлен на очень разумном основании.

Закончу следующим. Я вижу в списке много молодежи наших музеев, той молодежи, которую мы хотим выдвигать. Что значит хотим? Это значит, что мы до сих пор ее не выдвигали. Я приглашаю эту молодежь сказать искренне и откровенно, без фиговых листков, что мы должны сделать, чтобы из нашего старого состояния подняться вверх.

(л. 394) *[Неизвестный оратор]*

Товарищи, предыдущая работа совещания главным своим достижением имела введение этнологии в круг идей советской науки, и ожидалось, что позднейшие прения пойдут под этим новым флагом, особенно по той причине, что в нашей среде имеется большое количество этнологов, которые принимаются сейчас за выкорчевывание своих старых знаний схоластики, за обработку науки по новому методу. Казалось бы, что выявится та

---

¹ Имеется в виду экспедиция Федора (Теодора) Артуровича Фиельструпа (1889–1933) в Южную Америку.

реальная обстановка, в которой пребывала наша наука до этого совещания, когда наметился сдвиг. Ведь окончание совещания ознаменуется не тем, что у нас мысль изменится, а тем, что будет большой сдвиг в нашей этнографической среде. Молчание во время прений о реальной обстановке показывает глубокое неблагополучие во всех корнях нашей этнографической работы. Возьму пример из музейной области, что совершенно уместно в данном случае. Можно ли умалчивать о том, что весь сдвиг музеев произойдет благодаря увеличению и развитию роли производственных¹, иначе музеи будут хиреть со всеми пережитками цехового устройства и пропастью между завотделами музеев и рядовыми сотрудниками — ломовыми лошадьми в наших музеях? Эта пропасть, несомненно, останется, если не будет сдвига во всей музейной работе. Когда мы приходим в музей с тем, чтобы научно работать в кабинетах, то видим, что этой возможности нет, потому что ломовая лошадь — музейный сотрудник, часто прекрасный этнолог, выпущенный советской наукой за последние годы, с подковкой на все 4 копыта, — не имеет времени обрабатывать музейные описи, что является главным делом нашего музея. Музейная опись не двигается вперед, так как нет времени для этого у сотрудников и кабинет не может обслуживать человека, который захочет там работать. Сейчас, вместе с переходом на новые рельсы нашей этнографической науки, должны измениться и музеи. Их сборы, обработка сборов экспозиции — все будет подвергнуто переработке с точки зрения нового метода, и мы, полевые работники, принужденные пребывать в отдаленных республиках, не сможем лично участвовать в этом деле, но издали будем следить за успехом по созданию новой работы.

(л. 395) *Шпринцин*²

Я хотела бы сказать несколько слов в развитие пожеланий Вл[адимира] Германовича. Б. М. Соколов в своем докладе упомянул о коллективном музейном бытии. Мы такого коллектива не имеем. Мы, молодые научные работники, в музейном строительстве участия не принимаем. Не знаю, как в Москве, но у нас в Ленинграде коллективной работы (под коллективом я разумею всех научных сотрудников музея) нет. Плановая работа музея нам не известна. У нас нет возможности получить квалификацию. Тут говорилось о том, что мы — ломовые лошади. Совершенно верно, у нас в музее есть такая ходячая фраза: «Мы работаем до потери сознания над карточным каталогом». Тов. Шнейдер уже говорил, что надо работать по вечерам, а то времени не хватает. Мы вправе требовать дать нам научную

¹ Производственные совещания.

² *Шпринцин Нозми Григорьевна* (1904–1963) — ассистентка В. Г. Богораза и сотрудница МАЭ. Занималась изучением индейцев Южной Америки.

квалификацию, а не заставлять сидеть только над техникой музейного дела. Надо копнуть поглубже. Это с одной стороны. С другой стороны, мы, работая в течение ряда лет в музее, знаем только некоторые частицы музейной техники, с которой мы непосредственно соприкасаемся.

Возьмем наболевший у нас в музее вопрос о моли. Этот вопрос обсуждался в Совете — нас туда не допускали. Тут уже говорилось о том, что ходить на заседания мы можем, но все-таки будет лучше, если мы будем сидеть у себя в кабинете.

В сибирском кабинете практикуется дезинфекция, существуют и другие системы, но это в порядке частной осведомленности. Никто никогда не позаботился дать нам указания в общем плановом порядке.

Нужно отметить, что научные советы открыты для научных сотрудников 2-го разряда, тогда, когда там читаются отчетные доклады по экспедициям или на какую-нибудь другую тему, но в повседневной работе музея мы участия не принимаем.

Мне казалось бы, что в резолюциях, которые будут вынесены по этим двум докладам, необходимо поместить пункт (л. 396) о возможно большем участии нашем в научной и повседневной работе музея. Это будет осуществлением одного из тезисов Бор[иса] Матв[еевича] о полном коллективном бытии музеев.

Теперь об издательской деятельности музеев. Все наши музеи имеют свои печатные органы (я не касаюсь популярной литературы, путеводителей, брошюр и т. д.). В большинстве случаев это бывают сборники, не объединенные одной темой. Частично в них печатаются материалы, связанные с музеем, частично же — статьи различного этнографического содержания. Мы должны вынести пожелание, чтобы музеи стремились печатать труды, с одной стороны, по образцу того, как делалось прежде в Русском музее и как сейчас делается в заграничных музеях, то есть чисто формальное описание имеющихся у нас коллекций, мы этого до сих пор не имеем. С другой стороны, должны печататься сборники, которые бы уже не формально, а более широко описывали имеющиеся у нас материалы. Это важно не только для нас, не только для краеведческих учреждений СССР, но для Европы и Америки, так как у нас хранятся такие огромные богатства, которые там совершенно не известны.

Кроме того, такие сборники желательно было бы издавать, так как у нас возникла мысль написать ряд статей в ближайшем сборнике по краевой одежде. Такая комплексная тема чрезвычайно ценна. Она сразу дала бы освещение материала по нескольким материкам, совершенно различных этнических групп, которые ценны каждая сама по себе и которые в общем комплексе могут дать материал для более широких выводов.

(л. 397) Панек¹

Я хочу коснуться вопроса, который слабо освещен в докладе Б. М. Соколова и Б. Г. Крыжановского, а именно о хранении музейных предметов. В ряде случаев вопрос о хранении этих предметов находится в совершенно катастрофическом положении, и мне хотелось бы внести конкретное предложение. Здесь есть представители отдельных музеев, и было бы хорошо, если бы представители отдельных учреждений выделили бы лиц, компетентных в вопросе консервирования предметов, и создали бы такую комиссию, которая обсудила бы вопрос хранения этих предметов. Нужна также была бы и вторая комиссия по вопросу об этикетаже, чтобы московские и ленинградские товарищи поделились в этих комиссиях знанием и опытом.

(л. 398) Гаген-Торн

Мы выступаем организованно, темы между нами распределены, и на мою долю выпало говорить о лабораторной части музейной работы. У нас 3 дня были теоретические разговоры, они, конечно, очень нужны, важны и ценны, но пора подойти к конкретным практическим вопросам. Я буду говорить о тех существеннейших недостатках, которые имеются в наших крупных музеях Ленинграда и Москвы, в вопросе о лабораториях. Лабораторная научная работа является наиболее больным местом наших музеев, но тут в значительной части виноваты не музейные сотрудники, а объективные условия. Главное — это недостаток помещения. Нет никакой возможности организовать лаборатории, кабинеты для научной работы. Это нельзя сразу изменить, но мы должны на конференции вопиать о наших недостатках.

Возьмем Музей народоведения. Там все реформируется, постоянно меняются экспозиции, это, конечно, хорошо. Но новые кабинеты, в которых приходится работать, — это маленькие чердачки, где навалены сундуки, которые являются экспонатами. Наряду с экспонатами оттуда вынимаются старые тряпки. Работа поставлена так, что при самом добром желании, а в Москве постоянно наблюдается величайшая готовность всякому человеку, приехавшему работать, помочь, дать указания, ничего нельзя сделать, так как нет ни регистрации, ни каталогизации, по которой можно было бы легко найти предмет.

В Русском музее в Ленинграде прекрасные окованные сундуки, под тяжестью которых сгибаются 2 сторожа. И в этом — несчастье. Когда приходят люди, не только приезжие, но и более близко связанные с музеем, работники им говорят: «Извините, сторожей нет, сундуки навалены горами,

---

¹ *Панек Лидия Борисовна* (1896–1984) — советский этнограф. Занималась изучением этнографии русских, алтайцев, но прежде всего Кавказа.

и подступиться к ним невозможно». Приезжает работник из Москвы, ему говорят: «Сейчас приступить к сундукам нельзя — ждите месяц».

Сейчас поднят разговор о просветительной работе. Здесь что-то делается. Для научных же работников ничего (л. 399) не сделано, и научные работники музеями пользоваться не могут.

Нужно создать лаборатории и кабинеты. В указанных недостатках виноваты, с одной стороны, наше материальное положение, а с другой стороны, наша собственная косность, потому что можно было бы найти и средства, если бы будить и толкать, но это не считается нужным. Считается в порядке вещей, что коллекции лежат, их регистрируют, но кто будет пользоваться этой регистрацией, об этом не думают. Эта регистрация пребывает в списках, которых люди не могут добиться. Прежде всего нужно отвести хотя бы по 2–3 кабинета, где бы можно было получать предметы и их осматривать и иметь возможность их проработать. Кроме того, мы должны выразить пожелание об отпуске специальных средств для научной работы в музеях.

(л. 400) **Никишина**¹

Все согласны с тем, что Музей должен отражать быт представленных в нем этнических групп. Правда, по меткому выражению Вл[адимира] Гер[мановича], часто по музейному материалу может создаться впечатление, что люди только молятся, наряжаются и дерутся. Но теперь мы это изживаем. Музеи начинают отражать трудовые процессы, но до сих пор в Музеях совершенно не представлены социальные формы быта народностей. На это надо обратить внимание. Это можно сделать при помощи изобразительного материала, чертежей, схем и рисунков. Затем желательно организовать при этнографических музеях по быту народов СССР отдела, отражающего революционные процессы в быту. Музей — хранилище не только уходящего прошлого, но который должен изучать и зафиксировать настоящее революционной эпохи. Создание Отдела, посвященного революции в быту — историческая задача этнографических музеев СССР.

(л. 401) **Феноменов**

Я должен отметить четкость доклада Б. Г. Крыжановского, который осветил не только технику организации музейного дела, но и внес большую четкость в некоторые принципиальные вопросы. Например, применяя в общем положения Преображенского для определения науки, докладчик вносит в это определение существенную поправку, резко проводя границу сверху, через которую нельзя переходить. В этнологическое изучение быт капиталистического общества не входит.

¹ Личность установить не удалось.

Точно так же докладчиком была проведена мысль о том, что нужно в экспозиции переходить на генетический метод. Эта проблема очень трудная, но она, пожалуй, более важна даже, чем музей на воздухе, ибо это связывает нашу музейную работу с основной тезой, данной в первом докладе, что этнография есть наука историческая. У нас пока еще нет исторической экспозиции, и первый опыт Академии наук с выставкой пока еще нельзя признать достаточно удачным. В дальнейшем, может быть, придется пойти по пути создания выставок на исторические темы.

Затем я должен возразить тов. Плисецкому, который считает достаточным ограничиться схемой для музейной работы. Я считаю, что только живой предмет может привлекать внимание, изучение одних схем никому не интересно.

Тов. Черешков высказал мысль, что в докладе Крыжановского есть противоречие между культурно-просветительной и научной работой. Я видел в этом вопросе полный синтез. Я напомним тов. Черешкову, что не так давно, во время коллективной нашей поездки, его «высекла» работница краеведного музея, сказав, что без научной работы они в своей волости не могут строить культурно-просветительной работы. Наконец, я вполне присоединяюсь к заявлениям практических работников о необходимости улучшения их положения. Во время экскурсий мы имели возможность убедиться, что работники уездных музеев поставлены в лучшие условия, чем работники в центральных. А ведь мы должны служить для них примером!

(л. 402) *Толстов*

Прежде всего я должен сказать, что я не согласен с тов. Феноменовым, когда он, возражая тов. Плисецкому, указывал на недопустимость такого схематизма в экспозиции. Я бы даже не назвал это схематизмом. Я считаю, что в нашем построении нового музея мы должны четко учесть психологию посетителя и нашу целевую установку, а именно что в экспозиционной части музей является только просветительным учреждением. Мы должны выдвинуть определенный лозунг, сформулированный и зафиксированный: «Ни одной лишней вещи в экспозиции!»

Затем мы должны отметить еще один вопрос об отсутствии систематического изучения посетителя. Наши этнографические музеи при своей громоздкости, крайней сложности своих экспонатов и той новизне, которую они представляют для впервые приходящего посетителя, должны обратить серьезное внимание на эту сторону вопроса. Это должно быть не только лозунгом, но должно иметь свое определенное организационное оформление. Нужна коллективная работа по изучению посетителя со стороны как экскурсоводов, так и людей, строящих экспозиции, потому что разрыв между ними является недопустимым.

Здесь затрагивался вопрос о краеведческих музеях. Это вопрос чрезвычайно сложный, так как до настоящего времени подвергается дебатам вопрос о краеведческих музеях и об их структуре. Мне кажется все-таки, что особой остроты во взаимоотношениях между центральными и краеведческими музеями нет. Там работа гораздо сложнее, чем здесь, и краеведческие музеи еще сами должны много поработать. Каких-нибудь норм тут ввести нельзя. Но, конечно, увязывать исследовательскую деятельность, вести работу в тесном контакте с краеведными организациями является обязанностью всех центральных музеев. Недопустимым является это колоссальное дублирование работы, эта колоссальная интерференция, вывоз богатств из края без научной (л. 403) постановки. Итак, третьим нашим лозунгом является: «Ни одной работы центрального музея, не сконтактированной с музеем краеведческим!» Только при этом условии можно рассчитывать на изжитие существующих столкновений.

Теперь мне хотелось бы отметить один факт, который сейчас всплыл достаточно наглядно, — это то, что в общественном смысле ленинградцы отстали от Москвы, несмотря на то что здесь молодежь гораздо более многочисленна и энергична.

Я позволю себе сослаться на следующие примеры. Я работник не Центрального музея народоведения и не вхожу туда по служебному положению, но в то же время я принимаю участие в работе Ученого совета. Больше того, поскольку я являюсь специалистом по русскому жилищу, меня приглашают читать там доклады на эту тему. Это относится и к целому ряду других работников. Мы видим, как Центральный музей народоведения собирает молодежь. Если мы посмотрим регистрационные листки Ученого совета, то увидим, что молодежь высказывается и обсуждает вопросы наравне со всеми. Если в отношении голосования есть формальные ограничения, то фактически голосуют все, в том числе и практиканты, студенты, которые еще научными работниками не являются. Даже более специальные вопросы работы отделов, обсуждение планов выносятся на широкое рассмотрение. Это доказывает, что Москва шагнула вперед и Ленинграду нужно подтянуться. Нужно прежде всего направить огонь против тех, кто мешает делу, и затем организовать самим и добиться своего права на участие в этой работе.

Еще пример: в Цент[ральном] музее [н]ародов[едения] создан марксистский семинарий, прорабатывающий вопросы как этнологической, так и музейной работы под углом зрения марксистской методологии. В семинарии 50–60 % не сотрудников Цент[рального] музея [н]арод[оведения]. Из Президиума только председатель и секретарь сотрудники музея.

Нужно взять твердую линию на то, чтобы вливать молодежь как органическую часть в работу музея.

Итак, 4-й лозунг: «Широкая организация молодежи, работающей даже вне пределов музея, вокруг этнографических музеев!»

(л. 404) **Яковлев**

Товарищи, я должен выступить по вопросу, по которому мне здесь выступали, но я беру смелость поднять этот вопрос, так как считаю его чрезвычайно важным для дальнейшей практической работы нашей конференции и подготовки будущего съезда. Здесь говорили о том, что недостаточно разработан метод нашей науки, недостаточно определены границы. Таким образом, мы должны учитывать то, что этнология в дальнейшем может развиваться, если будет проведено широкое размежевание со смежными науками: антропологией, лингвистикой, археологией, с одной стороны, и с другой — мы должны иметь в виду, что необходимо привлечение новых свежих работников и, между прочим, тов. Аптекаря, который выявил здесь свежий подход и избыток энергии, направленной пока на разрушительную работу. Мне кажется, что эту энергию и желание работать в области этнографии мы должны использовать и заставить его работать в положительном смысле. Я предлагаю пополнить состав Президиума настоящей конференции следующими представителями: проф. Бунаком как антропологом, проф. <...> как археологом и тов. Аптекарем. Относительно тов. Аптекаря я должен сказать, что он, правда, является начинающим специалистом по новой теории яфетического языкознания. Эта теория имеет большой интерес, так как вплотную подходит к разрешению этнографической проблемы, и я прошу со вниманием отнестись к этому предложению.

9 апреля 1929 г. Вечернее заседание

(л. 406) **Козминский**¹

У меня два вопроса, один из них следующий: в наших музеях собрано колоссальное количество всякого рода экспонатов, масса разнообразного материала. Как указано предыдущим оратором, наше несчастье состоит в том, что в большинстве случаев этот самый материал недостаточно хорошо описан. Наши экспонаты зачастую так описаны: «Сапоги» и все, или «Ложка», и, конечно, ни происхождение, ни способ употребления — ничего не дано. Нам приходится при научной работе сталкиваться с очень большими трудностями: работая по одной какой-нибудь теме, приходится собирать материал, который разбросан по многим музеям. Материал

---

¹ Козминский Иван Иванович — советский этнограф, специалист по языку и культуре тунгусо-маньчжурских народов.

приходится собирать путем личного наблюдения или путем наблюдения какого-нибудь лица.

Мое предложение сводится к следующему: нужно, во-первых, чтобы все наши описания музеев были достаточно точны, а во-вторых, эти точные музейные описания обязательно нужно напечатать. Сейчас они у нас имеются только в одном экземпляре и написаны от руки. Если описания будут напечатаны, тогда можно будет легче учесть весь материал, который собран в музеях, и легче будет нашим работникам без затраты энергии его использовать.

Второй вопрос — о методах собирания коллекции. Есть один метод отрицательного свойства. Дело в том, что я работаю в Сибирском музее и у нас, в нашем музее, попадается большое количество экспонатов, которые собраны путем воровства. Существует определенное научное воровство, и вот, понимаете ли, человек командировается к той или иной народности в экспедицию. Экспедиция собирает экспонаты таким образом: тихой ночью тихими стопами пробирается и крадет какую-нибудь облюбованную им принадлежность. Это первый способ — личное участие, сам исследователь крадет. И теперь второй способ — чтобы руки не замарать, но получить желаемое, подговариваются некоторые наиболее неустойчивые туземцы, и им дается поручение: (л. 407) «Я там заметил то-то и то-то, пожалуйста, укради». Этот способ, я думаю, совершенно не годится, это недопустимо. Это, во-первых, влечет за собой то, что вещь не имеет своего достаточно подробного паспорта. Во-вторых, всякая дальнейшая работа в этом районе для людей, которые поедут в этот район вторично, будет страшно затруднена. Мне самому приходилось встречаться с таким отношением на Амуре. Там были такие случаи, мне прямо заявляли: «Вы мошенники, мы вас знаем». И пришлось долго объяснять и говорить, что там были мошенники, а мы честные люди, мы собираем коллекции честным и законным путем. Нужно поэтому раз и навсегда поставить точку и заявить всем таким недостаточно честным людям, чтобы на будущее таких вещей не было.

Герд

Мне кажется, здесь центральным пунктом доклада нужно выделить так называемые национальные и областные музеи. Об их организации. В связи с национальным объединением вопрос организации национальных музеев, республиканских и областных, сейчас встал как раз очень остро, и от разрешения именно тех принципов, согласно которым будет организован этот музей, зависит и их работа. Я бы очень просил докладчиков, особенно Соколова, уже много работавшего в этом направлении, дать кое-какие указания и выявить какие принципы должны быть положены в основу организации так называемых национальных музеев национальных

районов. Мне лично кажется, что при организации национальных музеев нельзя ограничиться только организацией в рамках одной национальности. Здесь должен быть привлечен материал и по другим разным группам. Что касается центрального музея, то при экспозиции нужно обратить внимание в смысле экспонирования отдельных этнографических групп шире, чем это делается сейчас в отдельных музеях. Здесь целый ряд отделов, между прочим, такие отделы (л. 408), как духовные, культурная революция и быт, и эти вопросы мало затрагивались в музеях, и посетители большей частью получали впечатление парадности и декоративности.

О последних достижениях. Между прочим Борис Матвеевич говорил, что все образцы должны быть выставлены. Я подчеркиваю, что это должно быть сделано, иначе мы не будем получать полного всестороннего впечатления от этой экспозиции. Здесь также нужно подчеркнуть одно место: это связь музеев с исследовательскими институтами. Об этом вопросе нужно специально говорить. Кроме того, нужно подчеркнуть то, насколько нужно привлекать молодых научных работников к работе в музеях. От этого привлечения будет двойная польза: они прекрасно знают свой народ и, кроме того, быт тех народов, котор[ых] они сами представляют, и еще они могут учиться, как работать и впоследствии, уходя на свои места они могут как раз все это, что они приобрели в работе в центральном музее, перенести на места и развернуть там свою работу.

*Аврорин*¹

Я буду говорить по двум вопросам. Один из них — более теоретический, вопрос другой — более практический. Я не совсем согласен со схемой расположения музейного материала в пределах отдельных технических групп, предложенной Б. М. Соколовым. Я не буду повторять ее, потому что думаю, что ее знают, а перейду дальше. Мне кажется, что при расположении материалов нужно начинать прежде всего с занятия данной народности, потому что основное занятие данной народности определяет в довольно сильной степени все остальные этнографические черты данной народности. Затем, после этого, совершенно естественный переход к материальной культуре, социальной и духовной. Это черновая схема. У Соколова отрыв от занятий, средства производства стоят в конце, а может (л. 409), я немного не понял. Я думаю, что можно пойти несколько дальше, и мне представляется, что можно было хотя бы попробовать сделать музей по тематическому принципу, не кладя в основу технические группы, а определенную тему. Предположим взять все занятия и по ним развить дальше

---

¹ Аврорин Валентин Александрович (1907–1977) — советский лингвист, член-корреспондент АН СССР, специалист в области тунгусо-маньчжурских языков, в том числе нанайского языка.

все, что относится к данным занятиям. Мне кажется, что это помогло бы разобраться в общих вопросах этнографии.

Второй вопрос — о музейных экспедициях. Вчера в прениях один из выступавших сказал, что музейные экспедиции, снаряжаемые для сбора музейных экспонатов, не имеют смысла. Мне кажется, что это не верно. Если мы будем смотреть на музеи как на кунсткамеру или сарай, в который складывается все привезенное, тогда, действительно, не стоит. Но если смотреть на музеи как на культурно-просветительные или политико-просветительные центры, тогда экспедиции будут оправдывать свое существование.

Кагаров

Т[овари]щи, я остановлюсь на одном вопросе, который, по моему мнению, здесь, в речах предшествующих ораторов, недостаточно отчетливо освещался, — на вопросе о сравнительных этнографических методах экспозиции этнографических музеев. Дело в том, что большинство музеев в СССР построено на принципах географических. Экспонаты выставляются по отдельным народностям. Между тем посетители желают уловить и общую линию культурного развития человечества вне рамок отдельных национальностей. Такая общая культура остается посетителям музеев неуловимой, если экспозиция придерживается одного лишь принципа географического. Поэтому я полагаю, что центральный этнографический музей должен наряду географическими принципами применять и принципы экспозиции этнографической, причем этот принцип я мыслю себе следующим образом: экспонаты музея выставляются либо по крупным большим (л. 410) рубрикам, либо по категориям человеческой культуры, либо по комплексным [схе]мам. Поясню свою мысль конкретным примером. Допустим, перед нами стоит задание дать посетителям музея более или менее четкую картину культуру, ну скажем, охотничьего хозяйства в сравнительно-этнографическом аспекте. Тогда конкретно можно представить себе осуществление сравнительных методов экспозиции. Так, мы располагаем внизу тотемические орудия производства этой эпохи, элементы материальной культуры, жилища, одежды охотника. Далее здесь же, скажем, выше ярусом, в том же самом зале выставляются предметы, иллюстрирующие социальный строй данной эпохи тотемистической культуры, а еще выше идет идеологическая надстройка магического искусства, охотники, рыболовы, охотничьи пляски, маски зверей и т.д. и т.п. Экспонаты выставляются или располагаются на выставочной площади в том порядке, в каком явления развивались последовательно, переходя от одной фазы к другой, причем линии и направления движения указываются стрелками для большей наглядности. Такие попытки создания специальных кабинетов или отделов, строящих свою работу на сравнительных этнографических принципах, делались и делаются сейчас за границей.

Теперь второе. Опытом подобного построения у нас в Союзе является кабинет [в]водный Центрального музея народоведения в Москве и отдел тотемологии, организованный покойным профессором Штернбергом¹ у нас, в Академии наук. Но на деле осуществления этой задачи, именно — создание отдела, котор[ый] должен наглядно рисовать фазу развития человеческой культуры во взаимодействии отдельных ее элементов, так как они срастались на базе экономики, чтобы вот осуществлять это на деле, — встречаются непреодолимые подчас препятствия не только материального характера в смысле недостаточности помещения или средств, но и порядка принципиального, ибо, как это ни странно, в той же замкнутой среде музейных работников (л. 411) приходится слушать резкие возражения против осуществления этого дела. А отделы, которые были осуществлены несколько лет назад в Музее антропологии и этнографии, находятся под опасностью и угрозой.

Аптекарь

Уже из выступления молодых музейных ленинградских работников можно сделать вывод, что дальше так работу в области музеев вести, конечно, нельзя. Уже те факты, которые были мне сообщены, свидетельствуют о совершенно ненормальном положении в этом деле, в этой чрезвычайно важной области. И нужно сказать прямо, что это неблагополучие в значительной мере объясняется тем чуждым идеологическим влиянием, которое в этой области еще сильно. Не случайно, что во главе одного из крупнейших ленинградских музеев стоит ученый, позиции которого совершенно не приемлемы для нашей современной марксистской науки, ученый, который является одним из знамен реакции². Мне кажется, что первый шаг для того, чтобы действительно в эту самую атмосферу внести новый элемент советской жизни, состоит в том, чтобы эти люди с чуждым нам идеологическим влиянием, с чуждыми методами были убраны. Нужно по-настоящему расчищать дорогу для молодых советских музейцев, и тогда, возможно, эти старые сундуки, над которыми изгибаются два старика и другие красоты отечественного музея, наверное, отойдут в область предания. Тут приходится констатировать — не случайно выпал этот вопрос — о старых и молодых. Этот вопрос может быть разрешен полностью только тогда, когда будет выполнено то, именно о чем говорил Покровский, когда придет новая смена, и она должна быть не просто молодая в смысле возраста, это момент второстепенный, а в смысле той идеологии, которая

---

¹ К сожалению, найти информацию о кабинете тотемологии, организованном Штернбергом, мы не смогли.

² Не понятно, кто имеется в виду. Скорее всего, речь идет о С. И. Руденко, который в этот период времени подвергался гонениям, а затем и репрессиям.

в музее является новинкой. Это должны быть марксисты, и музейное дело должно быть двинуто марксистами, только они могут (л. 412) проложить путь дальше. Не случайно, что выступавший Б. М. Соколов, который в достаточной мере стоит в стороне от марксизма, он в области исследовательской работы не ограничивается научными моментами, он ставит работу на рельсы марксизма. Так что здесь марксизм не является чем-то внешним, посторонним. Всякая наука, когда она доходит до известной степени развития она не может избежать диалектических обобщений. Если так, то это нужно делать связно. В отношении марксизма тоже дело неблагоприятно. Когда тов. Толстов говорил, что у них в Москве имеется марксистско-диалектический семинарий, то нужно сказать, что это нужно поставить под сомнение в отношении марксизма, потому что руководителем этого семинария является Преображенский, относительно марксизма которого печатно высказал сомнение М. Н. Покровский. О московской семинарии свидетельствует тот факт, что она не стоит ни в какой связи ни с марксистскими учреждениями, ни с Коммунистической академией и т.п. Такой марксизм и такие марксистские семинарии имеют определенную цену для всех и для кого угодно, только не для марксистов. Разрешите на этом закончить.

Левин

В докладах и прениях недостаточно был заострен, по-моему, вопрос об экскурсионной работе. Надо сказать, в этом отношении у нас далеко не все благополучно. Например, Музей народоведения обслуживается очень большим кадром экскурсоводов. Только часть из них является музейными руководителями¹, а большая часть является со стороны. Это товарищи, которые не всегда располагают достаточными знаниями и которые квалифицированными руководителями не являются. Мы должны рассчитывать на них и строить свою работу, ибо при массовой работе мы с основным штатом музейных сотрудников справиться не можем. Должен быть поднят вопрос о квалификации этих экскурсоводов. У нас этот вопрос очередной, и конференция должна вынести принципиальное пожелание о возможно лучшей квалификации (л. 413) экскурсоводов, которые являются проводником между нашими научными построениями и музеем собственно и посетителями всех этих вещей.

Второй вопрос — это вопрос об издательстве. Я думаю, что конференция выскажется в пользу того, что такие большие музеи, как Музей народоведения, должны располагать своими печатными органами для того, чтобы научная работа не оставалась в рукописях. Она должна стать общим достоянием. Но, кроме научной литературы, должен быть поставлен вопрос о литературе популярной. Работа здесь состоит в том, чтобы выработать

¹ Так в тексте.

основной тип такой литературы. В Москве делаются попытки, ленинградцы несколько отличны от наших. Нужно как-нибудь практически договориться о выработке единого типа популярной литературы.

И третий вопрос — это об увязке между музеями Москвы и Ленинграда. У Москвы свои достижения, у Ленинграда — свои. В Москве у нас не так остро обстоит вопрос с молодежью. У нас положение более благополучное, молодежь более втянута в жизнь музея. Для того чтобы эта увязка между музеями Ленинграда и Москвы не осталась просто пожеланием и декларацией, недостаточна увязка руководящего персонала того или другого музея и такие периодические совещания, которые происходят довольно редко. Необходимо распространить на наши русские музеи то, что мы делаем с музеями заграницы. Обмениваемся музейными сотрудниками. Многому надо научиться у нас, но и многому надо учиться там. Именно в такой тесной связи, при которой сотрудники, приезжающие из Москвы, делают свои изыскания в Ленинграде. Тогда можно говорить о достижениях, которые стали лозунгом нашего сегодняшнего заседания.

(л. 414) *Самарин*¹

Товарищи, в докладах тов. Соколова и Крыжановского было ясно указано, что главными пунктами нашей работы в музеях является научно-исследовательская и научно-публицистская работа. Мне, как работнику музея, хочется указать на следующее, что действительно в наших исканиях, в тех работах, которые мы ведем в музеях, мы вырабатываем те способы, по которым научно-собираТЕЛЬская работа и научно-исследовательская работа должна доходить до рядового зрителя. Мы находим каналы, по которым мы доводим эти научные, исследовательские и собираТЕЛЬские работы до зрителя. Одним из основных способов, о котором уже говорилось, является экспозиция. Именно пересмотр, переработка музейных экспозиций является одной из главных задач на нашем поприще. В нашем московском Музее народоведения, как говорил тов. Соколов, мы проводим новый тематический комплекс населений тех или иных районов. Здесь очень важным является видоизменение существовавших ранее видов и предметов музейного оборудования. Скажу несколько слов о теперешнем оборудовании музея. Раньше в большинстве музеев делались не шкафы, а просто какие-то гробы, так что большинство предметов угробливалось в них, теряли в них свою жизненность. Теперь по тем методам, к которым мы стремимся, необходимо добиваться того, чтобы не делать как раньше, не подходить так, что шкафы раньше были сделаны и к нему подгонялись экспонаты, а, наоборот, чтобы экспонат был самодовлеющим и по экспонату делалось

---

¹ Самарин Ю. А. — этнограф и музеевед. Известен своей брошюрой «Подольские гончары» (1928).

то или иное оборудование. У нас в Москве было применено создание всевозможных полочек, стеллажей и прочих вещей оборудования, которые на разных плоскостях оттеняли по-разному экспонаты и давали им жизнь. Одним из соответствующих пунктов принадлежности экспоната является этикетаж. Что дает этикетка старая, она дает определенное название, иногда на том же самом языке, но зрителю она ничего не дает: ни занятий, ни места, ни названия предмета. Этикетку надо давать так, чтобы она отображала этот предмет (л. 415) в комплексе всех прочих связей со всякими хозяйственными предметами и являлась бы так, чтобы привлекала зрителя. Вряд ли рядовому посетителю музея будет интересно смотреть на предметы той или иной народности, если тут не будет дано кратких и отчетливых сведений о[б] этой народности, поэтому необходимо при каждой экспозиции давать краткую схему, которая определила бы сведения о[б] этой народности, ее географическое положение и т. д. Это вообще необходимо — как бы разъяснение и добавление к музейной экспозиции.

Теперь два слова о следующем. У нас говорилось о детализации и не детализации. Дело в том, что при таких моментах, когда мы выявляем производственный трудовой процесс, кажется очень существенным показывать все детали производства, потому что только на них приходящий зритель может детально ознакомиться с процессами производства. Только тогда мы можем, именно при увязке всех деталей с научно-исследовательской и собирательской работой, считать нашу задачу выполненной.

Маркелов

Товарищи, я работник Центрального музея народоведения в Москве. Я хочу дать справку на сомнения тов. Аптекаря. Он может сомневаться как угодно в нашей марксистской подготовке, но фактически дело обстоит так: во главе этого семинария или руководителем его профессор Преображенский не является, а организован он на принципе руководства и совместной работы с молодежью исключительно. Теперь я позволю себе высказаться по основным вопросам музейной работы. Нечего и говорить, это видно из обоих докладов, что музеи наши за последние десять лет имеют чрезвычайно большие достижения. Главным достижением является то, что музей является прежде всего научно-исследовательским учреждением, но вместе с этим в научно-исследовательской работе музеев существует ряд «но», и здесь об (л. 416) этом уже говорилось. Мне хотелось бы еще раз обратить внимание на три вопроса, которые недостаточно разрешены в нашем музейном строительстве до настоящего времени. Из того, что музеи стали научно-исследовательскими учреждениями, вытекает прежде всего то, что экспедиция, я это утверждаю категорически, перестала у нас носить характер простого сбора материала. Я утверждаю, что за все 5 лет моей работы в музее ни одной экспедиции не было сооружено для того, чтобы приоб-

рести экспонаты. Все они носят научно-исследовательский характер. «Но» заключается в том, что музей не имеет средств для того, чтобы издать материалы, и последнее связано с экспедиционной работой. Конференция должна в свою резолюцию внести, в частности, этот вопрос. Второй недостаток нашей музейной работы, музея как научно-исследовательского учреждения, является то, что у нас в музее недостаточно рационально поставлено дело хранения коллекций, выставленных в зрительных залах. Дело в том, что магазинное хранение является для музея тем же, чем является библиотека для научно-исследовательских учреждений. У нас же дело поставлено так плохо, что не всегда приезжие из Москвы или Ленинграда могут ознакомиться с этим магазинным хранением. Для этого требуется затратить чрезвычайно большую энергию и силу, и иногда физическую силу научного работника. Последний вопрос больной — о нашем музейном строительстве. Как выяснилось из этой конференции, отношение между молодежью и стариками обостренное. В Москве этот вопрос, очевидно, менее больной. Как видно было из выступлений товарищей ленинградцев, этот вопрос особенно ненормален в Ленинграде. Я выражаю уверенность и надежду, что после данной конференции и в Ленинграде должно произойти изменение, но должен сказать товарищам ленинградцам, молодым музейным работникам, что если сами они не возьмут свою судьбу в руки и не постараются улучшить свое положение, то, конечно, они не сделаются равноправными работниками. Я говорю, у нас в Москве этот вопрос не так остро стоит, но нам приходилось слышать здесь жалобы от молодежи ленинградской.

(л. 417) *Чистяков*

Т[овари]щи, я хочу сказать о том, что желательно было бы, чтобы такие крупные музеи, как ленинградский Русский музей и московский Музей народоведения, чтобы они были максимально использованы для политико-просветительной работы и вообще для связи с советской общественностью. В частности желательно для нас педагогов в отношении московского Музея народоведения, чтобы этот музей был бы тесным образом связан с нашей педагогической общественностью, чтобы там не только стихийно проводились школьные экскурсии по заявкам из школ, а чтобы музей установил теснейшую связь в плановом порядке с ними, с педагогическими организациями. В частности, музеи должны вести колоссальную работу по воспитанию школ и антирелигиозному воспитанию. И особенно желательно, чтобы музеи были связаны с фабриками и заводами. Потом я хочу сказать то, что я присоединяюсь к мнению проф. Соколова, что действительно нужно вести коллективную работу, коллективную работу по пересозданию экспозиций, в общем, по реформизму музейного дела. Коллективная работа состоит не в том, чтобы была коллективная

работа, но чтобы эта работа была увязана с единой теоретической марксистской мыслью.

Тут, т[овари]щи, говорили, что у них выпущена книга. Эта марксистская книжка будет иметь только в том смысле значение, если там будет единая марксистско-ленинская группа. В частности, что мы имеем в этой книжке, хотя бы доклады тов. Толстова и Преображенского. Доклад тов. Преображенского слишком далеко стоит от марксистско-ленинской идеологии, и доклад тов. Толстова тоже, хотя тов. Толстов и во главе музея, но неизвестно, кто у кого на поводе. Если музей хочет привлечь советскую общественность, использовать школы, фабрики, вести широкую культурную работу, это очень хорошо, но не менее важно, чтобы наш советский музей позаботился о создании твердых марксистско-ленинских кадров нашей молодежи.

(л. 418) *Лебедева*¹

Музеи культурно-просветительных учреждений и музеи научно-исследовательских институтов — вот два русла, которые были намечены. Если мы посмотрим на реальную жизнь наших музеев, то мне кажется, что эти два направления не совсем равномерно развиваются. У нас не все благополучно с политико-просветительной работой, мы ее только начали, но об этой работе много говорят, много работают, массами издаются циркуляры, инструкции, популярные брошюры. Я хотела остановиться на вопросе о научно-исследовательских институтах. В этом отношении здесь мы больше говорим, чем на самом деле осуществляется. Ведь до сих пор, если смотреть реально, к музейным научным работникам не относятся как следует, к материалам музейным относятся скептически и работу их не считают достаточно достоверной и достаточно ценной. Я хотела остановиться на научной работе, которая должна стать на твердую базу, как и вся культурно-просветительная работа. Остановлюсь на музейной экспедиции. Она осуществляется музеями в большом количестве. Эта отрасль научной работы, пожалуй, больше всего распространилась за последнее время, но она не является достаточно организованной. В музеях эти экспедиции получают небольшое количество экспонатов, не получают подробных и архивных материалов. Организация архивного материала сосредоточена в музеях. Архивный материал не может быть всегда издан, хотя он полезен для дальнейшей проработки. Сейчас ни в одном музее этого нет. Нам следует заботиться об организации архивного материала. С другой стороны, другой тип музейной экспедиции, который приходится признать помимо комплексной экспедиции с целью изучения той или иной отрасли — это

¹ *Лебедева Наталия Ивановна* (1894–1978) — советский этнограф, специалист по этнографии русских и белорусов. Сотрудник Центрального музея народоведения.

тип контрольной экспедиции. Вот Центральный музей народоведения проводил за последние годы небольшие контрольные поездки. Они диктуются главным образом теми условиями, в которых находится целый ряд старых музеев. Вот эти контрольные поездки с целью датирования тех (л. 419) или иных материалов, выясняющих условия этих материалов, — эти мысли очень ценные, и развитие их было бы очень важно для всех музеев, которые имеют большие залежи слабо датированного материала. Третий тип экспедиции — это поездки для подбора коллекции. В связи с культурно-просветительным походом на тематическую экспедицию других музеев строятся в постепенном развитии отдельные элементы культуры в пределах той или иной темы. Но как ни обширен наш материал, он такой только с внешней стороны, а в проработке получается целый ряд прогалин, пробелов, и поэтому нам трудно построить доступную экспедицию для широкой публики. Вторым вопросом является проработка внутримузеевского материала. В этом отношении музейные работники недостаточно хорошо <нрзб.>, ведь они являются музейными техническими работниками; с другой стороны, они ведут большую культурно-просветительную работу. У них не хватает возможности, а у музея не хватает средств для проработки всех громадных залежей материалов.

Теперь последний вопрос. Исходя из этого положения, я желала бы, чтобы в резолюцию нашего совещания была включена постановка научно-исследовательской работы в музеях на твердую научную базу, чтобы она отражалась на музейной внутренней работе.

*Родин*¹

Т[овари]щи, не хотел выступать, потому что сегодня только приехал из Саратова. Это первая причина, вторая причина была другая, я не знал, как проводилась работа вашей конференции, но меня заставило выступить одно выступление московского работника. Когда он говорил о нуждах работников центральных музеев, когда он говорил о научной их деятельности, то указал, что провинциальные работники находятся в лучших условиях. Это не так, товарищи, вы не только забыли, собирая конференцию, пригласить провинциальных работников. (*Аплодисменты.*)

Товарищи, если вы всегда устраиваете экспедиции, имея по тысяче рублей и более, то нам, провинциальным работникам, приходится (л. 420) совершать экспедиции, имея 20–50 руб. Но мало этого, провинциальные научные работники, они часто забывают, кто они — научные работники или сторожа. Нам приходится собирать материал, заносить в инвентарь, развешивать или расставлять не в шкафы, а прибивать на стенки гвоздями. Т[овари]щи, иногда приходится сдерживать напор массы, которая идет

¹ Личность установить не удалось.

в музей. Так, например, у нас в прошлое воскресенье в Саратове одному посетителю сломали руку. Зачастую условия, в которых приходится работать провинциальному работнику музея, очень тяжелые. Поэтому я обратился все-таки бы к вам с просьбой в дальнейшем не забывать работников провинциальных музеев, стараться их приглашать на конференции. (Я случайно попал сюда и только в Москве узнал, что здесь идет этнологическая конференция.) Может быть, вы боялись, что спросим у вас деньги на эту поездку, — нет, каждый краевой музей нашел бы средства, чтобы прослушать здесь прения, проследить, в каком направлении прения идут, обсудить все, и тогда он сумел бы в дальнейшей работе освежить свои методы, освежить свою научную жизнь. Нужно сказать, что нужды у нас общие, мы все нуждаемся и в средствах, и в новых методах, и в планах, которые нужно сообща проработать. А поэтому я считаю, что в дальнейшем, когда будет сзываться этнографическая конференция, снова не забыть провинцию. Я это говорю не только от своего имени, но и от имени всех провинциальных работников. Может, вы скажете, что провинциальные работники были на курсах музейных — были, но можно сказать, что курсы эти нас не удовлетворили, они проходили в таком разрезе, что мы не получили того, что нужно, нас в музеях не учили, а читали нам лекции часто люди, которые никогда ни занимались собирательской работой. Так что я призываю к тесной связи, и [от] этого будет польза не только нам, но и вам. Относительно культурно-просветительной работы, вы ее только начинаете, а если вы хотите знать, то у нас она уже давно проходит, массы втянуты, о культпоходе вы слышали. Я вас призываю развивать работу совместно с работниками провинции.

(л. 421) *Никольский*

Т[овари]щи, я начну с указания, что очень надо приветствовать выступление предшествующего товарища. Действительно, нам надо было на наше совещание пригласить представителей провинции. После этого замечания я постараюсь построить свою речь, относящуюся к делу. Я должен упомянуть, что было здесь одно выступление, которое не совсем по адресу было направлено, — это анонимное упоминание об этнографах-ворах. Это нашей конференции, к сожалению, не касается — это дело уголовного розыска, и, как говорится, в семье не без урода, везде это может случиться. Я хотел бы поделиться теми соображениями, которые относятся главным образом к молодому немوزهйному работнику, а работнику в музеях, ибо я начал работать с некоторым предубеждением к русским музеям, а начал работать в музее в последнюю командировку за границу, в [19]28 г. Мне удалось побывать в Берлине и Париже. Я должен сослаться на уважаемого профессора Тан-Богораза, там действительно появились новые веяния. Я должен указать, что там колоссальные материалы — 65–70 тысяч

№№ [номеров]. Там я искал коллекцию, нужную мне, и вот, поднимаясь по главной лестнице, я неожиданно споткнулся обо что-то и случайно нашел «Магеллан, Огненная Земля». Мне никто не мог, начиная с молодого работника, никто не мог найти этих огнеземельцев. Нигде, «в “Америке” нет, а они вот на антре[соли] попали», и я должен был притащить громадную лестницу и втягивал в работу технический персонал. Я должен был 6 раз мыть руки, настолько много было пыли. Там сведения в каталогах чрезвычайно краткие и постоянные ошибки в них, так что малоизвестные вещи приходится добывать как жемчужное зерно в грудке мусора. Даже в Берлине, где совсем иной порядок, есть неувязки. Поэтому нам не нужно сгущать краски и бояться наших недостатков, я не хочу сказать, что раз у них есть, так и у нас должны быть, нет, я хотел сказать, что в Берлинском музее народоведения имеются неувязки, потому что там штат маленький (л. 422), он производит в одно и то же время полевые экспедиции и обрабатывает новый материал и, конечно, не успевает справиться со всем этим. Вот парагвайское племя гокой, исследователем которого является известный американец доктор Снеклядо¹, которого можно назвать рабочей лошадью, который занят невероятно и страшно нагружен, так вот я хочу сказать, что, несмотря на то что доктор Снеклядо проявил изумительную любезность по отношению ко мне, я в течение трех месяцев не могу получить материалов, которые я частью выписал, а частью заказал фотографии с них, потому что в каталогах они значатся, подробно описаны, но найти их в запасных кладовых, где они содержатся в прекрасной немецкой чистоте, никто не мог, возможно, что и не все будут найдены. Так вот тут неувязка. Не следует поэтому бояться недостатков. При условии, если у нас есть железное желание, твердое желание преодолеть их, если мы желаем расти, двигаться, — не следует бояться. Вот мне представляется, что здесь важно прежде всего планомерное движение, и мне представляется, что в этом отношении иллюстрацией может быть на конкретном примере выступавший передо мной оратор, уважаемый докладчик Соколов и уважаемый проф. тов. Кагаров. Здесь мы имеем два плана, и вот, с моей точки зрения, при всем моем уважении к проф. Кагарову, я должен предпочесть первого нашего докладчика. Почему? Потому что, несмотря на то что в смысле терминологии я мог бы поспорить с Борисом Матвеевичем, если так строго [по-]марксистски взять терминологию, то по культуре бытовой я согласен с ним, тогда как в смысле остальном лучше у проф. Кагарова. У него производственная база и все как следует. Я считаю проф. Кагарова одним из тех ученых, который ид[ет] в ногу с общественностью. Я это и говорю, потому что он охотно исправит свои недочеты и ему это полезно. Проф. Кагаров дал альбом по истории религии. Мне было поручено редак-

¹ Личность установить не удалось.

тировать этот альбом. Вот мы как раз там встретились со схемой мной уважаемого, высокоуважаемого крупнейшего этнолога Штернберга, о котором здесь ученики правильно, конечно, говорили: старик (л. 423) умер, и я думаю, что, если бы он был сейчас с нами, он двигался бы тоже с нами. Я хочу сказать, что при своем глубоком уважении к этому этнологу, я должен сказать, что его схема сейчас сильно устарела. В этом альбоме мы встретились с[о] странной формулировкой охотничьего хозяйства. Мне это напоминает то, что здесь многие говорили о техническом хозяйстве, об ареалах. Здесь получается что-то вроде этого, хотя это и охотничье хозяйство. Здесь разбирается, что является для охотника основным — средства ли добывания к жизни или охота как вспомогательное средство? И вот в таких рамках, из этих всех отдельных племен, у которых имеются охотники, и собран материал. Это чисто искусственная схема, тогда как нужен совершенно стихийный марксистский подход. Пусть у него и нет этой терминологии, а в деле подхода уважаемый Борис Матве[евич] исходит из определенных, конкретных общих данных и пытается выяснить способы производства. Я скажу, этот вопрос объясняется технической особенностью восточных славян. Это не важно с марксистской точки зрения, можно снова начать, важно, чтобы было стремление. Эта работа и научна, и показательна и, так сказать, здесь действительная величина. Правда, проф. Кагаров предлагал отметить другое. Он предлагал взять сравнительный этнографический принцип. Можно взять, но не так, как вы берете, а взять оба эти материала и, расположив в порядке, проехаться сквозь. Вот развитие орудий, это очень интересно, или развитие приборов для добывания огня, но учитывая, что каждый предмет, каждая народность исходит из определенной социально-экономической формации, из определенных вариантов этой формации. Что она из себя представляет, это не основное, это показательно, это витрина временная, это, так сказать, летучая демонстрация, это для связи с общественностью. Действительно, может быть, придет человек интересующийся, из рабочей среды и неспециалист, и ему может показаться несколько скучным и неясным, но ему хочется и другое, например, посмотреть и узнать, у него не только этнографический интерес, как, мол, живут, а как вообще появилось (л. 424) ружье, как оно развивалось. Нужно и это удовлетворить, и здесь, на этом пути, мы нащупываем синтез и работы научной, и работы просветительной, они даже рядом. В Берлине даже такой принцип признан, хотя он неудачно проводится: имеются залы для выставки, и имеются календари для работы. Вот мне представляется, если мы пойдем объединенным фронтом в массы, в научном направлении и в направлении популяризации, то тогда многое устранилось. Прежде всего будет работа плановая, и мы будем лицом к деревне, к городу и к науке, и тогда исчезнут тесные помещения, появятся нормальные сундуки и средства, и когда увидят, что это нужно, то это пойдет. Вот моя мысль.

Яковлева¹

Товарищи, в течение пяти дней работы конференции мы все время говорили о работе специалистов, о работе людей, которые имеют специальную подготовку, и всецело представили себя этой работе. Но мы совсем забыли о том, что в наших условиях и вообще всегда этнографическая работа является такой работой, где может работать и неспециалист. Вопрос о [б] этнографах любителей, о [б] этнографах-собираателях и исследователях на местах, культурных работников-неспециалистах здесь совершенно не поднимался. Здесь, конечно, нет надобности разъяснять о том, что этнографы-любители, о которых здесь упоминалось, в капиталистическом обществе совершенно не то, что любители у нас, в условиях широкого советского строительства, широкой советской общественности. И вот об этих местных работниках-этнографах-неспециалистах, которые могут оказать большую поддержку этнографам-специалистам, мы о них забыли. Хотя тов. Толстов и посвятил специальный доклад вопросу об увязке этнографов с культурными, советскими работниками, все-таки он коснулся только формальных моментов о важности увязки работы этнографов с культурными советскими работниками, о (л. 425) возможности этой увязки, но о способах увязки, способах вовлечения в работу местных работников тов. Толстов ничего не сказал. Это тем более печально, что тов. Толстов является представителем молодежи, забывает об этой молодежи, о комсомольцах, о молодых исследователях нашей деревни и молодых культурных работниках — педагогах и других. Вот мне хочется на этом моменте главным образом остановиться. Я считаю, что подготовка этих молодых работников, вовлечение их — актуальнейшая задача нашего времени. Но, вовлекая их, нужно как-то подойти к ним, как-то руководить работой этих этнографов-одиночек. Я считаю, что организацию работы должен взять на себя наш этнографический музей, и центральные, и областные. При чем я здесь укажу кратко некоторые организационные формы, в которые эта работа должна влиться. Прежде всего этнографический музей должен выявить всех возможных работников, организовать их, затем установить прочную связь с этнографами-одиночками. Вопрос о подготовке этнографов-любителей должен стать актуальнейшим в работе музея. У нас, в университетских городах, сделать это особенно легко и необходимо. Нужно использовать студентов педагогических вузов, коммунистических вузов соответствующих факультетов, привлекая их к работе в музеях путем семинарской работы, организации семинарий. Нужно, товарищи, указать, что хотя тут и говорилось о необходимости введения этнографии в наших вузах как специального предмета, но это довольно утопическая идея, потому что в условиях нашей чрезвычайно перегрузки планов вузов введение этногра-

¹ Имеется в виду или Н. Ф. Яковлев, или В. И. Яковлева.

фии невозможно. Поэтому нужно и можно организовать временные семинарии, тематические или предметные, которые должны организованно подготовить этнографов-любителей, этнографов-собираателей и, во-вторых, этнографов-экскурсоводов. Каждый педагог должен уметь провести экскурсию в музей в центре или у себя на месте. Кроме того, я считаю, что те марксистские кружки специалистов, научно-исследовательские кружки, которые намечаются к организации в музеях, должны будут пополнить эти кружки привлечением в них студентов и педагогических, и коммунистических вузов.

(л. 426) **Троянович**¹

Я, т[овари]щи, начну с возмущившего меня поступка проф. Никольского об умершем старике Штернберге. Побольше уважения к этому старику. Я думаю, что, если бы он здесь присутствовал живым, вы бы так не выступили. (*Бурные несмолкаемые аплодисменты.*) Разрешите говорить прямо: не надо совать свой нос в те вещи, в которых человек ничего ни понимает.

Крики с мест

Браво, браво.

(*Гром аплодисментов.*)

Крики с мест

Лишите слова.

Никольский

Я не оскорбил проф. Штернберга, это может подтвердить стенограмма.

Председатель Трояновичу

Говорите по существу, в противном случае лишь вас слова.

Троянович

Разрешите перейти к делу. Я считаю, что музеи должны ввести в свое задание следующую вещь — антирелигиозные кабинеты. У нас до сих пор в Русском музее и в музее Академии наук в Ленинграде представлена так называемая высшая религия таким образом: в Китае отдельно, в Индии отдельно, по Сибири представлена в общем, и выделить отдельные моменты, касающиеся высшей религии, нет никаких возможностей. Мы организовали в музеях массовые экспедиции рабочих, детей и служащих. В то же

¹ Личность установить не удалось.

время мы в этих музеях не имели отдельных кабинетов, комнат, в которых можно было бы организовать антирелигиозные беседы и лекции. Я считаю, что музеям в план своей работы необходимо выделить наряду с высшей религией и низшую религию и организовать антирелигиозные кабинеты. Далее я считаю, было бы необходимо в целях практической работы организовать сводные кабинеты при музеях. В чем будет заключаться задача этих сводных кабинетов? Возьмем такую вещь. У нас материал по социальной культуре и материальной культуре разбросан по музеям, эти предметы не собраны воедино. Необходимо создать при музеях такие кабинеты, в которых было бы в виде диаграмм, в виде иллюстраций предметов проведено вот что: например, по тотемизму. У нас имеется тотемизм австралийский, североамериканский, африканский и др. Предположим, приходит научный сотрудник. Ему (л. 427) для того, чтобы раскопать материал, надо рыться целый год в музее. Работу музейных работников и научных работников облегчило бы, если бы все материалы по тотемизму, имеющиеся в музеях, были бы зарегистрированы в определенных папках и сконцентрированы в виде диаграмм или снимков. Приходит научный работник, интересующийся этим вопросом, и знакомится так по папкам со всей работой музея. Это основная мысль. Теперь отвечу об этнографах-любителях. У нас это важно, но этнограф-любитель — непригодное дело. Этнограф — в первую очередь научный работник, и, следовательно, создавать в нашей науке подход к различным оттенкам — это будет вульгаризация науки, но не научная постановка дела.

Никольский

Товарищи, я должен, несмотря на то что демонстративные бурные аплодисменты встретили предшествующего оратора, заявляю, и это <...> может в стенограмме, что я не имел намерения никаким словом оскорблять весьма уважаемого общественного деятеля, ученого, проф. Штернберга, в отношении которого вопрос очень спорный. С другой стороны, я являюсь продолжателем его идеи (хотя и не имел счастья учиться у него), но я защищаю его идею <нрзб.> группового брака. Я ценю его как величину, это, во-первых, а во вторых, я заявляю протест, что председатель не вовремя остановил оратора. У нас идет идеологическая борьба, нас меньшинство, и нельзя переходить к сведению личных счетов.

Золотарев

В прениях говорили не только по существу доклада, сколько говорили о музеях, о том, что наболело у каждого из сталкивающихся с музеем, и по поводу этих заявлений я хотел сказать несколько слов. Мне кажется, что, прежде чем жаловаться (л. 428), нужно было анализировать, чем объяснить те печальные обстоятельства, которые заставили выйти довольно органи-

зованно сюда, распределив роли, и указывать недостатки музеев. Ведь, во-первых, нужно учесть то общеустановленное положение, которым тот или иной музей руководствуется в своей практической деятельности, и сказать: «Вот нехороши эти положения, нужно их изменить». Можно было бы говорить о тех причинах, которые вытекают из природы музея, учреждения громоздкого, сложенного совершенно своеобразно, не то, что исследовательский институт, который опять-таки вызывает целый ряд вытекающих отсюда последствий, и, [про]анализировав это, нужно сказать, вот то-то и то-то надо изменить, то-то и то-то надо сделать. Нужно говорить о специфичности, о состоянии отдельных музеев, которые накопились в данном музее, или какое-нибудь обстоятельство, которое поставило тот или иной музей в особое положение, и тоже анализировать это обстоятельство, можно говорить о том, что кто-то делает зажим, сидит на шее, какой-то человек, который мешает, и от него все недостатки. Нельзя так рассуждать, товарищи, в частности молодые, нужно вдуматься в то положение, в которое музей поставлен предшествующей историей своего развития, и нужно поставить вопрос: что, не музей откликнулся на те требования, которые предъявляет жизнь, за эти десять лет все ли осталось так, как было? Я думаю, по совести нужно сказать, что очень многое изменилось. Здесь говорили о каторжном режиме, о лошадях, все это хорошо, но тов. Никольский сказал, что эти лошади рабочие и в Париже существуют, и где угодно, есть условия, которые создают своеобразное положение. Нужно говорить о том, что нужно устранить и что ввести. Действительно, положение трудное всей этой начинающей молодежи, которая за 65 рублей должна быть этим рабочим скотом, который изо дня в день работает в этой грязи, пыли, в тяжелых условиях беспрерывно, из года в год ведет работу. Так и скажем, что нужно это изменить, нужно принять какие-то меры, но эти меры зависят (л. 429) не только от данного учреждения, а от совокупности условий, в которых живут научно-исследовательские учреждения, в том числе и музейные учреждения. В частности, музей, в котором я служу, который находится в руках правления, состоящего из партийных людей, которые в течение ряда лет руководят музеем, принимают все меры. Мы можем сказать, что нужно изменить то или иное положение, но это сразу не сделаешь. И я думаю, что нужно больше анализировать условия, в которых протекает работа, и не огульно, а с фактами в руках, действительно указать на то, какие изменения надо провести в жизнь музейного учреждения.

Кошкин

Я считаю, что сегодняшние прения весьма плодотворны, очень много было вынесено ценных предложений, которые, конечно, в комиссии секретариата при выработке резолюции будут учтены. Я должен отметить вот какое обстоятельство. Сейчас, когда марксизм внедряется во все участки

науки и для этого настала пора, чрезвычайно назрел вопрос о том, что и этнографический музей должен стать на марксистскую ногу не только в смысле привлечения марксистов, но и в смысле установки музеев марксизма. Эта сторона дела должна быть отражена в нашей резолюции для того, чтобы через соответствующие организации добиться соответствующих результатов. Второй вопрос, который может быть отмечен, — это о том, что нужно этнографические музеи правильно комплектовать. Как шло комплектование Русского музея — все знают. Присылали людей, ничего общего не имеющих с этнографией, вообще с наукой ничего не имеющих общего. Такие предложения свидетельствуют о том, что вопрос с комплектованием неблагоприятен, и в этом отношении в резолюции должен быть в соответствующем порядке отмечен. Я думаю, что очень важно было бы, чтобы наш центральный (л. 430) музей как-то установил живую связь с местными краеведческими музеями. Об этом мало говорили. Нужно установить какое-то шефство. Почему, например, центральный музей не может над целым рядом других мелких музеев установить что-то вроде шефства? Он из этого может почерпнуть большую пользу. Такая живая связь с местными музеями не только зазорна для центрального музея, но и требует моментами исследовательскую и культурно-просветительную работу. Относительно использования этнографов-любителей, конечно, тов. Троянович не прав. Нужно их использовать, но это не значит, что они уже научные работники. Если местные отделы краеведческих музеев дают соответствующие указания, то, конечно, по этим указаниям любой человек может работать. Мы не можем построить марксистскую науку без масс.

Теперь мне думается, следует поставить еще два вопроса, которые чрезвычайно важны. Во-первых, наши музеи не обновлялись со времени начала нашей революции, в некоторых музеях не было не только Октябрьской революции, но и Февральской. В этом отношении мне думается целесообразно поставить перед Главнаукой и соответствующими организациями вопрос об изменении сроков перевыборов научного персонала, так же как в вузах. Наряду с обновлением, которое должно идти, нужно ставить и другой вопрос — о перевыборах на 10- и 7-летний срок, как это практикуется в вузах. Нужно добиться и от Академии наук, и от Главнауки, чтобы четко и ясно указывалось, что в совете музея участвует весь научный персонал, начиная с самого молодого и кончая старым, чтобы не было разрыва между старшим и младшим поколением, для того чтобы не упускать то, что может дать молодежь в это важное дело. И то один из самых основных моментов, которого наша конференция должна добиться.

(л. 431) *Толстов*

Часть прений была направлена на область научно-исследовательской работы. Для нас ясно, что научно-исследовательская работа сейчас не мо-

жет рассматриваться как независимый отдел работы музея, она должна быть связана со всей культурной работой, и в области научно-исследовательской работы музея мы также должны иметь совершенно четкое объединение тех марксистских явлений, которые имеются в этих музеях.

Я считаю, что, несмотря на то что по адресу семинарий наших раздавались замечания, мне кажется, что они являются началом таким, которое надо продолжать. Я не отрицаю, что там есть целый ряд недостатков и неувязок, что мы слабо связаны с основными марксистскими учреждениями, но во всяком случае мы это выполним и по этой линии и должна идти молодежь остальных музеев. Затем совершенно справедливо указание, что центральные музеи, как в своей экспозиционной работе, так и в исследовательской работе, должны опираться на широкие массы и концентрировать вокруг себя внимание общественности не только в плоскости экспозиции, не только привлечь рабочие организации или интересующихся культурно-просветительной работой музея, но и привлечь широкие массы студенчества, краеведов, связанных с местными музеями для совместной культурной постановки центрального музея работы. В этом отношении связь с краеведческими музеями должна стать, как один из самых основных вопросов. Было еще одно предложение по этому поводу, которое должно стать одним из важнейших пунктов резолюции, — вопрос о том, что отныне все научно-исследовательские предприятия музеев проводились в теснейшем контакте с городскими учреждениями, чтобы каждая экспедиция, направленная на собирание коллекций, не только центральный музей, но и местный¹. Только тогда, когда будут налажены эти стороны работы, тогда можно будет говорить о том, что распределение коллекций между центральными и местными музеями стоит на достаточно нужной базе.

(л. 432) Еще выдвигался вопрос, который совершенно зря пытался смягчить тов. Золотарев. Вопрос этот очень важный. Тов. Аптекарь пытался сравнить то, что в Москве тоже есть много недостатков, с тем положением, которое выявлено выступающими тов. ленинградцами, то мы видим, что здесь надо развернуть самую горячую борьбу по этой линии и совершенно четко нужно сформировать то положение, которое формулировал тов. Кошкин. Во всех организациях, предприятиях, музеях, во всех видах обсуждения научной работы музея должны принять участие молодые работники, и им должна быть обеспечена возможность действительно серьезно заниматься продуктивной работой научно-исследовательской и играть свою роль в общественно-культурной работе музея. Очень мало здесь был отмечен вопрос о плановости работы музея. Мы все прекрасно знаем, что здесь царит индивидуализм и в смысле выбора тем исследования, и в смысле направления исследования, маршрута географических районов исследования и т.д. Здесь

¹ Так в тексте.

должен быть поставлен вопрос об отчетливом плане работы всех музеев, а не отдельных его функций. Это один вопрос. Второй вопрос, который тоже был затронут в прениях, тоже нужно четко его сформулировать, — это вопрос о параллелизме центральных музеев. Этот вопрос четко должен быть поставлен в нашей резолюции. Мы имели выступление проф. Тан-Богораза относительно того, что он не может поставить резко вопрос о слияние музея Академии наук с Русским музеем. Мы вполне понимаем проф. Тан-Богораза и согласны с тем, что здесь нужно подходить с любовью к этому делу. В действительности мы здесь имеем невероятное дублирование, кое-где колоссальные коллекции лежат в музее под спудом свернутыми только для того, чтобы не говорили, что этот музей дублирует другой или потому что нет помещения. Мы должны положить этому конец. Как этот вопрос будет разрешен — это вопрос другой, но с этим дублированием нужно покончить. И коллекции, лежащие в одном музее под спудом (л. 433) и могущие служить в другом, в особенности культурно-просветительной работе, должны быть переведены в другой музей. А лучше будет, если музеи найдут общие организационные формы увязки своей работы. В заключение мне кажется, достаточно выпукло в ряде выступлений ораторов ставился вопрос о связи музеев, как московского и ленинградского. Я уже подчеркнул о работе каждого, но и этот момент в особенности вскрывает доклад тов. Ольденбурга, который должен быть поставлен сейчас. Нужно поставить вопрос о тех выставках, которые вскользь затронул проф. Соколов, о тех выставках, которые могли бы быть в Москве и Ленинграде, которые могли бы выявить весь колоссальный материал и дать чрезвычайно насыщенное отражение музеев. Мысль о выставке антирелигиозной, которая тоже сквозила в последних выступлениях, мысль о выявлении всего богатства различных музеев и соединении в одну большую выставку, является мыслью, за которую нужно ухватиться и которой можно лучше всего закончить это резюме. Присоединяюсь к словам тов. Кошкина, что мы должны ставить вопрос о том, что мы должны построить эту работу на марксистской базе и рельсах. Мы должны найти конкретные организационные формы, в которых мы могли бы осуществить эту работу.

Соколов. Заключительное слово

Товарищи, я не могу отвечать по всем затронутым здесь пунктам. Председатель облегчил мне задачу тем, что свел основные затронутые здесь вопросы. Я позволю себе остановиться только на некоторых, но предварительно должен констатировать, что эта конференция, безусловно, чрезвычайно много дала всем нам: и старшим, и младшим научным работникам музеев. Лично я рассматриваю, что это просто своего рода экзамен, та самокритика, в которой мы, люди, желающие самым активным образом работать в строительстве музея, безусловно (л. 434), нуждаемся. Хочется

думать, что этот опыт такого совещания будет у нас постоянно повторяться. Очень много полезного и нужного было высказано, и я должен сказать, что почувствовалось действительно, что музейцы болеют музейным делом, что музей для них очень дорог — это постоянное активное творчество, а не служба. Прекрасна мысль тов. Данилина и ряда других об обмене между музеями коллекциями, а дальше товарищи развивали мысль об обмене живыми людьми. Я очень на этом буду настаивать: откомандировывать научных работников из Ленинграда в Москву и обратно по своей специальности — это в высшей степени полезно и для своей узкой специальности, и для общего музейного дела. Мы должны поставить этот вопрос в резолюцию и поставить в Главнауке, чтобы это было реально осуществлено. Организация ассоциации музеев (затронутая в докладе Бориса Георгиевича, и к ней возвращались некоторые другие). Ассоциация музеев, безусловно, назрела, безусловно, это правильный выход и в целях полного объединения нашей сложной музейной работы.

Искренне и горячо некоторые товарищи затронули вопрос о быте музейных работников. Было бы странно, если бы музейная конференция не знала о том, что жизнь музейных работников тяжела, что быт музейных работников должен привлечь к себе и общественное, и правительственное внимание. Молодые работники не могут совмещать работу, как мы, пожилые, да было бы плохо, если бы они совмещали свою музейную работу, то есть должность, с другими должностями. А музейные работники тоже нуждаются в человеческом существовании. Мы должны признать, что существование музейных работников нищенское. В эту сторону должно быть направлено и общее внимание, и внимание руководящих органов. Я остановлюсь на тех пунктах, которые хотел бы акцентировать. Должен заметить, что я не слышал каких-либо возражений по докладу, это приятно в том отношении, что, значит, есть общая музейная мысль, только в значительной мере были даны поправки очень важные и серьезные.

(л. 435) Я должен подчеркнуть слова тов. Шнейдера о том, что нужна регистрация коллекций. Это верно. Я согласен с Н. И. Лебедевой, что нужно образовать в музеях серьезную научную о[б]становку архива. Я бы возразил тов. Черешкову, когда он ставит вопрос так, как можно собирать и изучать папки, не зная, как и для чего их собирать. Тут у нас раньше музейные работники в экспедиции теряли свое время, часто принося во многих отношениях жертву, и собирали неизвестно для чего нужные материалы. Этого теперь больше не бывает. Я бы также возразил против слов тов. Черешкова, когда он говорил, что научной работе в музеях надо восстановить границы. Это абсолютно неверно. Если мы будем признавать научную работу и ставить ей границы, то это противоречит всякой логике и это мы не можем допустить. (*Аплодисменты.*) Т[овари]щи, занимающиеся просветительной работой как таковой, должны однако себе серьезно

усвоить, что нельзя делать так и признавать такой принцип: есть наука для кого-то, для широких народных трудящихся масс. Наука едина, но способы подачи результатов науки должны быть просто педагогичны. Поэтому исключение, или изъятие, или даже ограничение научной работы в музеях, конечно, самым болезненным образом отразится на всей просветительной работе. Я не буду говорить много по поводу слов В. Г. Тан-Богораза. Спасибо ему, он установил хороший обычай. Он всегда, бывая в Москве, бывает у нас в заведении. Мы привыкли к его посещениям, мы стали считать его своим человеком, человеком добрым, сведущим и человеком, искренне интересующимся жизнью музеев. Человек он очень зоркий, и остроумный, и зубастый, простите, он очень много иной раз пальцем тыкал нам, и мы его указания принимали и исправляли наши недочеты. Если мы будем друг друга критиковать, то не будет никакой совместной работы. А если мы будем мыслить музейное дело нашим общим делом, то критика здесь только (л. 43б) полезна. Я бы поддержал мысль Владимира Германовича, чтобы экспедиции за границу русских, советских этнографов были образованы, это, безусловно, нужно, и Советский Союз имеет достаточно исследователей и такие методы, чтобы блеснуть ими и там, где работают западноевропейские ученые.

Теперь относительно тов. Измайловой¹, она говорила о производственных совещаниях. Должен сказать, мы самой жизнью пришли к тому, что у себя в музее многие недостатки нашего музейного механизма могут быть исправлены только тогда, когда весь музей в целом подвергнется всесторонней критике самых мелочей всеми сотрудниками музея. Относительно (простите за выражение, вы сами его употребляли) ломовых лошадей и выючных животных я должен так сказать и предупредить товарищей: если у нас ломовые лошади есть, то не нужно и молодежи подрастающей становиться, не замечая самим, на ту точку зрения, что не все из нас будут заниматься черновой работой, но ведь и черновой работой надо заниматься, и этот упрек обращать не только к старикам, которые так делают в силу своей занятости и неправильного распределения времени. Я должен сказать, да не посетуют на меня сотрудники, что надо заниматься самовоспитанием, следить за собой, чтобы и в их работе не проскользнула эта опасная нотка. Что нет времени вести научные описания, с этим я согласен, товарищи. Иногда к нам в музеях предъявляются большие требования, и не всегда справедлива бывает критика музея, потому что не всегда видят ту тeneвую работу в кабинете, в подвале, которая ведется научными сотрудниками не на виду, но работа по описанию — это серьезная работа, и для нее не всегда, к сожалению, достает времени. Об этом мы должны много

---

¹ В предыдущей части стенограммы имя Измайловой не встречалось. Личность установить не удалось.

и хорошо подумать. В словах тов. Ширин<...>¹ мы видим хорошую мысль о том, что музей должен давать возможность научной квалификации. Это буквально в тех же самых словах приходится нередко слышать и от тех сотрудников, и в этом мы не всегда даем соответствующие (л. 437) благоприятные условия. Вопрос о хранении музейных предметов затруднен некоторыми общими правилами. Естественно, чтобы хорошо использовать музейный материал для просветительных целей, для экспозиций, мы для экспозиций занимаем все залы и уже для хранения, особенно в московской тесноте жилищ, у нас нет нужных помещений, и это должно сказаться на дальнейшем очень плохо. На эту сторону нужно обратить внимание тех органов, которые ассигнуют нам средства.

Затем, правильна и очень мне понравилась мысль, сказанная тем же товарищем, по вопросу хранения и этикетажу. Я бы шире поставил вопрос, если бы было соглашение о совместной работе музеев Москвы и Ленинграда и внутри наших городов, то я бы сказал, что мы расширим эти рамки. Мы должны устраивать периодические совещания. Если не совещания этнологов, как сейчас, а совещания представителей от главных музеев, для того чтобы совместно прорабатывать одни и те же вопросы. Получается страшное нарушение экономии времени и сил. В одном музее этот вопрос прекрасно проработан, зачем же другому музею не использовать этот прекрасный опыт. А этого можно достигнуть только при планомерном участии деловых совещаний в разрешении определенных задач и целого ряда вопросов как теории, так и техники научного дела. Я бы внес это предложение о создании таких периодических совещаний в резолюцию. Тов. Гаген-Торн говорил[а] о ненормальных условиях научно-лабораторных работ внутри музеев. Я должен сказать, что в Москве в музее ЦПО есть лаборатория. Но надо сделать, чтобы в музеях было много лабораторий для проработки соответствующих объектов по разным этнографическим специальностям. В отношении тов. Никитина и организации революционного быта я бы не согласился вот почему: революционный быт не может быть (л. 438) выделен как «самосебядовлеющий». Этот революционный быт должен исходить из самой экспозиции, мы бы тогда наглядно видели бы, как этот революционный быт вращался в быт старый и видоизменялся. Только на таком фоне этот революционный быт будет осмыслен и органически понят. Относительно слов тов. Феноменов[а] я разъяснил вопрос насчет схемы. Я бы уже не стал спорить относительно самого экспедиционного вопроса, как к этому подходит тов. Яковлева. Тов. Ильин сказал, что мало уделяется внимания вопросу о краеведческих музеях. Позвольте прямо сказать, откровенно, что краеведы наши не вовлечены в наше совещание,

¹ Фамилия не установлена из-за пропуска. Возможно, что в первой части в фамилии также допущена ошибка в написании.

как правильно отметил мой ученик и друг тов. Родин. Я должен сказать, что ни один член совещания организационного комитета ни в коем случае не хотел, созывая такое совещание, игнорировать этих работников провинции. Дело в том, что совещание создано довольно экстренно. И, с другой стороны, важно было сговориться центральным музеям по этим основным вопросам. Наше совещание является преддверием к съезду, и, несомненно, все уверены, что во всей дальнейшей подготовке к этому Этнографическому съезду музеи краеведения займут достойное и высокое место в нашей работе. Относительно того, что музеи недостаточно широко представляют ту или иную народность. Это объясняется тем, что нельзя сразу поехать ко всем народностям и совершить экспедиции. Коллекции теперь совершенно не отвечают тем требованиям и целям, которые мы ставим. Поэтому пробелы огромны. Жить музей стал пять лет тому назад, а 70 лет он существовал в виде Румянцевского музея.

Т[овари]щи, не можем мы напечатать наших научных трудов, не знаю удастся ли найти тут выход конкретный, который мы видим в результате наблюдений над заграничным устройством типографии. Мысль эта очень хорошая, но сумеем ли мы ее в наших материальных условиях осуществить? Мы должны считаться с реальными условиями. Могу ответить тов. Герд относительно (л. 439) областных музеев. У меня есть специальный доклад, который я читал по этому вопросу. И я думаю, поскольку мы в стране широко не поставим дело национально-областных музеев, об этом пока говорить не буду, меня это очень отвлекло, и было бы слишком кусочно. Очень приятно, что представители науки приветствовали ту мысль о том, что в наших этнографических музеях надо привлечь те материалы, которые свидетельствуют о первых шагах советской культуры. Я буду считать, что заседание относится положительно к этому.

Относительно тов. Аврорин, он не понял меня. Он предлагает мне начать со средств производства, но это я и делаю, это основная мысль, только способ передвижения я поставил в конце. А в своем докладе сделал оговорку, что это чисто внешнее отступление.

Относительно Кагарова, относительно средств этнографических методов (я, товарищи, выбираю только самое существенное). Я не стал бы по этому вопросу спорить, потому что этот вопрос дискуссионный (так проф. Никольский высказался), но я думаю, что этот принцип средств метода в условном смысле, он должен быть введен, и он введен в наши вводные кабинеты с известными поправками в выработке форм, как известная часть музея, направляющая массы.

Относительно слов тов. Аптекаря я должен сказать, что его замечания касательно общих условий быта и распределения научных сил, в частности вопросы идеологические, — они правильны. Ну относительно московских курсов тов. Аптекарю было отвечено.

Относительно слов тов. Лидина¹, я думаю, что (и Плисецкий говорил о поднятии квалификации экскурсоводов) это чепуха. У вас в Ленинграде на этот счет лучше, у вас строже контроль над ними, а у нас в Москве совсем плохо дело обстоит. Экскурсоводы должны быть посвящены в задачу и смысл выставленных предметов, а то они иногда плетут ужасную чепуху.

Тов. Самарину я хотел сказать, что многие недостатки, товарищи, зависят от того, что нам трудно иметь хорошее музейное оборудование. (л. 440) В этом отношении западноевропейские музеи [с] этими прекрасными шкапами да зеркалами отличаются от нас. Но тоже скажу, примерно в Лейпцигском музее я профессору музея сказал как-то: «Прекрасные у вас стекла», а он говорит: «Разве мы могли бы купить, это фирма для рекламы выставила эти стекла с пометкой на стекле от какой это фирмы». Это порядок капиталистический — мы этого сделать не можем.

Теперь относительно замечания тов. Маркелова: нужно издавать этнографический музейный материал, не только экспедиций. Нужно описывать весь материал. Не забывают, что западноевропейские ученые, да и наши ученые, не могут пользоваться нашим материалом благодаря тому, что он не описан.

В словах тов. Чистякова прозвучала правильная мысль об увязке музеев со школами. Ваши музеи издали специально брошюры применительно к программе школ первой и второй ступеней. Мы выхлопотали, чтобы систематически музеи были введены в школьное преподавание. Директор сделал доклад, проходит месяц, другой, полгода, и все это мертвым-мертво. Далеко не всегда музеи виноваты, а виноваты и те, которые могли бы многое получить от музея. Связь с общественностью. Я должен сказать, что мы единогласно приняли все постановления о введении в состав нашего научного совета не только наших работников-этнографов, но и работников широкой общественности. У нас уже избраны несколько членов ученого совета от самих фабрик и целых фабричных организаций. Мы думаем, что такое непосредственное участие в работе музеев представителей самих масс, для которых музей служит, внесет существенные поправки и конкретные полезные указания. Пока еще не поздно, мы должны сделать прежде ненаучные коллекции научными, и только тогда мы наши залежи в Русском музее, в Академическом, в Музее народоведения, с некоторыми (л. 441) поправками, сделаем пригодными для научных исследований.

Проф. Никольский сказал, что надо иметь твердое желание, чтобы двигаться вперед. Он указал на недостатки европейских музеев, но это не должно нас успокаивать, и мы не должны допускать этого в наших музеях.

---

¹ Скорее всего, имеется в виду А. Г. Данилин.

Я приветствую в словах тов. Яковлевой¹ мысль о создании специального семинария при музее. Организация педагогических семинариев при музее — вещь в высшей степени полезная.

С тов. Троянович об организации антирелигиозных кабинетов я бы не согласился, чтобы все эти предметы выделить.

Относительно комплекса. Бытовой реально-общественный комплекс, который в данном случае выделил бы быт той народности или общественной группы, которая представлена, — конечно, такую выставку устроить можно, а также и особый раздел истории религии, но это не должно покрывать собой весь культовый материал, находящийся внутри музея.

Я кончаю предложением тов. Кошкина, которое было всеми одобрено, и его мыслью о правильном комплектовании научных сотрудников и проработке вопроса [о] переподготовке. Все это имеет, безусловно, важное значение.

Теперь позвольте все это закончить личным выражением чувства глубокого удовлетворения по поводу этих плодотворных прений, которые велись. Масса конкретного, полезного указано здесь. Позвольте выразить глубокую уверенность, что эта конференция станет знаменательным днем в истории наших советских музеев. (*Аплодисменты.*)

Крыжановский. *Заключительное слово*

Б[орис] М[атвеевич] за сегодняшний день уже два раза расчистил дорогу мне, что не приходится говорить о деталях, поэтому я на отдельные замечания, на отдельные предложения сейчас не отвечаю. Те объяснения, которые я бы хотел дать выступавшим по поводу наших докладов, я мог бы разбить на две части.

(л. 442) Первая часть собственно объяснительная, потом полувопросы, которые задавались. Я укажу на те недостатки, которые сейчас мы видим в музее. Я должен сказать, что большинство из них, конечно, справедливы. Когда говорят о некоторых технических улучшениях, как, например, организация специальных лабораторий, как правильная организация хранения, о которой я говорил, как необходимость иметь организованный архив, которого ни в одном музее нет, на это возражать не приходится, эти большие места, конечно, должны быть как можно скорее выправлены. Я хочу только сказать, что музей это знает, и если до сих пор это не было исправлено, то это не потому, что музей не хочет это сделать, а потому, что музей рук для этого дать не мог. Я должен сказать вообще, что те товарищи, которые здесь выступали и которые выражали свое одобрение аплодисментами, они часто выступали и говорили потому так, что они в недостаточной степени

¹ Скорее всего, имеется в виду Н. Ф. Яковлев. См. выше.

осведомлены, как идет музейная работа, что ее затрудняет и что делает невозможным осуществление тех пожеланий, которые у музейцев есть. И в этом отношении внутренняя организация неодинакова во всех музеях, и те темные стороны, которые выявляются здесь, они с разной силой высказываются в разных учреждениях. Вот, например, говорилось, что описи плохие — это верно, и в том музее, в котором я работаю в настоящее время, описи очень плохие и сделаны кое-как, но я не могу сказать ничего дурного о тех описаниях, которые делаются сейчас, — это готовый научный материал, которым мы имеем возможность оперировать и даже возможно давать их заграничным музеям, как это приходится делать. Правда, пришлось прекратить печатание давно, потому что вы знаете, что финансовыми средствами мы стеснены. Были недостатки, которые были замечены музеем и по возможности ликвидированы. Вопрос относительно группы обслуживания музея — он очень интересен. Знаете, товарищи, музей ведет очень большую работу, о которой вы, может быть, не знаете. Я не заведу этнографическим отделам Русского музея. (л. 443) Если бы я перечислил, сколько работников в музее у нас, я бы занял у вас очень много времени. Скажу лишь, что только в течение осени этого года перебывало в музее 11 работников. Я должен сказать, к нашей гордости, что мы связаны с очень многими провинциальными музеями, и сомнения в этом основаны на чисто неверных сведениях. Это, конечно, и провинциальные музеи не отказались подтвердить.

Помощь работникам. Мы помогаем, конечно, насколько можем, но бывает во многих случаях, что никакими силами не заставишь музейного работника раскрыть для вас сундуки или раскатать катки с коврами в марте м[еся]це. Иногда бывают моменты, когда нельзя представить материал. Это нужно принять во внимание, и технические трудности здесь имеют серьезное значение. Работа экскурсоводами и работа с педагогами — это очень серьезный вопрос, в частности, для меня. У нас дело обстоит иначе, чем в Москве. Руководители экскурсий работают долго в музеях. Я знаю, какие большие усилия приходится затрачивать для того, чтобы получить право заниматься этой работой. Если разобраться в недостатках, то все они такие, которые могут быть исправлены без особенного труда. Но руководство экскурсией и подготовка руководителей совершенно необходимы для музеев, и как раз теперь, к счастью для нашего музея, мы находимся в тесной связи с руководителями политпросвета, мы приступаем к планомерной работе по развитию этого дела. Работа с педагогами нами велась неоднократно, и уже дважды мы проводили специальные семинарии по ознакомлению с материалами, на основании которых эти педагоги проводили экскурсии со своими школами. Сейчас этот вопрос стал шире. В субботу я делал доклад по этому поводу — об использовании музейного материала в школах и работе с новыми педагогами. Как вы видите, это дело

не забыто, и оно у нас сейчас идет, и на будущей неделе мы сможем представить результат нашей работы в Москву. Труднее всего мне говорить (л. 444) относительно внутренней организации. Здесь вот К. А. Шнейдер говорил о том тяжелом положении, в котором находятся сотрудники, но это вызывается тем общим положением, которое у нас сложилось в силу трудного положения наших финансов. Я думаю, что, может быть, не совсем правильно рассуждать так, что качество выючного животного приписывается только младшим сотрудникам. Если вы начнете перебирать персонал музея, то увидите, что в трудные критические минуты мы не самые праздные, потому что в полном смысле во выючное животное, копающееся во всем этом, превращаются все — до заведующего отделом включительно. Это неизбежно и с этим нельзя ничего делать. Мы не обладаем такими средствами и таким персоналом, чтобы эту работу могли выполнять те, кому это надлежит делать. Но что меня особенно поразило, это лаборатории, в которых сотрудникам приходится прорабатывать материал за границей. К этому мы должны стремиться, и создать такие условия для труда, конечно, необходимо.

Старые и молодые. Может быть, они так наблюдательны, может быть, я действительно не видел такой резкой разницы, такого зажима в музее, и я буду очень рад, если те из сотрудников, которые испытывали такой гнет, скажут об этом, и мы этот вопрос обсудим. Я знаю целый ряд наших музеев, не говорю о наших культурно-просветительных комиссиях, которые собирают большие пленумы. Эти культурно-просветительные комиссии оказывают большое влияние на работу музея, и сотрудники в них также принимают участие. Трения между старыми и молодыми у нас есть, но я рад, что трения, которые бывают у нас, они не раскалывают в такой плоскости — старые и молодые, обычно в другом направлении раскалываются — по одну сторону черты остаются старые и молодые, и по другую сторону старые и молодые, это здоровое явление.

Мне гораздо интереснее, чем давать эти объяснения, остановиться на тех предложениях, которые были сделаны. (л. 445) Например, организация антирелигиозного кабинета. Если сейчас существует этот вопрос как вопрос актуальный, почему же в музеях не создаются кабинеты антирелигиозные, которые служили бы поставленной сейчас задаче. Мне кажется, это было бы правильно. Возможно, мы создадим специальную постановку на ту или другую тему. Конечно, не понадобится снимать все предметы с экспозиций. Из материала, который есть в музее, можно выделить достаточное количество предметов, которые можно было бы показать в кабинетах.

Вводные кабинеты. Это серьезная, конечно, и интересная вещь. Вот очень интересно, как поставит это дело Музей народоведения, где делается для него специальный зал. Там будет чрезвычайно интересно посмотреть, как увязывается это дело с общей схемой, которая Б[орисом] М[атвеевичем]

проводится. Мне кажется, было бы желательным видеть в музеях этнологии и этнографии, как у них это будет разворачиваться. Но в музее, который имеет мировой охват, такой кабинет будет иметь особое значение и сыграет большую просветительную роль.

Очень интересно и всячески должно быть приветствуемо предложение относительно организации комиссии для обсуждения таких конкретных вопросов, как вопрос хранения и вопрос об этикетеже, я считаю, что они должны быть приняты нами без всяких оговорок.

Я считаю, что нам надо связать работу музеев и объединить их. Мы до сих пор, живя в одном городе, не можем найти друг друга, не могли увязаться. Сейчас это оказывается более возможным. Что касается слияния музеев, тут я совершенно согласен с В[ладимиром] Г[ермановичем]. Я не понимаю, почему музеи должны слиться. Существует в Москве Музей центральной области, Музей народоведения. Музей народоведения — мирового охвата, и есть Музей Советского Союза, более подробный. Кажется, совершенно естественный переход от одного музея к другому. Я несколько ни удивился бы, если бы здесь в Ленинграде был еще музей Северо-Западной области. Постепенная такая детализация. Это логическое развитие той сети, о которой я говорил. Но не в Ленинграде, так в другом месте Ленинградской (л. 446) области. Это не имеет значения, но оно займет такое же отношение к нам, как мы занимаем по отношению к Академии наук. Вот что мне было неприятно в сегодняшних прениях. Дело в том, что никто, в сущности говоря, из т[овари]щей выступавших в своих выступлениях не постарались раскритиковать доклады. Они ведь остались не обсуждены, все говорили о недостатках музеев, о том, что существует, но о том, что мы предложили, говорили очень мало. Что же, мы вправе считать, что ваш проект принят, раз критики не было слышно. Мы считаем, что конференция согласна с нашими предложениями, для нас это важно, потому что мы предлагаем решительную, коренную ломку, которую мы хотим проделать с нашими музеями.

Вот тов. Никольский говорил о 70 тысячах номеров в заграничных музеях, у нас их гораздо больше, в нашем музее около 250 тысяч. Ну что же мы пойдем по этому пути, мы готовы и чувствуем себя готовыми, но нам мало того, что вы нас не критиковали, мало, что вы нас одобрили. Нам важно в нашей большой работе, которую мы должны начать и быть уверенными в вашей внимательности и в вашем дружелюбном к нам отношении.

Вот если вы создадите такую обстановку для нашей работы, которая так необходима каждому, кто вступает на трудный путь, и вообще во всякой работе, тогда мы будем вам бесконечно признательны, и я думаю, что в самом недалеком будущем вы сможете увидеть результат нашей работы — проект, который мы сегодня вам предложили. (*Аплодисменты.*)

Кошкин

Мы все очень устали, и для того, чтобы сократить прения, которые уже и так растянулись, приходится сегодня делать это сообщение. Сообщение или доклад, как угодно назовите, носит информационный характер постольку, поскольку в такой массе вопросов подготовка этнографов в Ленинградском университете неизвестна. Но, конечно, всякий доклад будет носить и принципиальные пункты, по которым придется (л. 447) в прениях высказаться. Я вначале хочу дать маленькую историческую справку о том, каким образом и когда создавалось этнографическое отделение Ленинградского государственного университета. Это было в 1918 г., когда был создан Географический институт, в котором впервые в порядке преподавания в СССР ставилась этнография. В дальнейшем, в первых стадиях существования Географического института, преподавание этнографического воспитания не было дифференциально, когда студент мог выбирать несколько этнологических или этнографических предметов по его усмотрению. В дальнейшем оказалось, что такое положение не дает достаточного эффекта, и в конце [19]18 г. был создан особый этнографический факультет Географического института. Следовательно, началом этого дела можно считать [19]18 г. Исключительную роль в организации первого этнографического образования у нас в СССР играл Штернберг, эта исключительная личность и в научном, и политико-революционном смысле человек. Я думаю, что постольку, поскольку мы знаем его заслуги по созданию первой этнографической школы, мне кажется, что нужно почтить память этого великого ученого деятеля вставанием. (*Все встают.*)

В 1926 г. весь Географический институт, в том числе и этнографический факультет, был передан в Ленинградский государственный университет, где этнографический факультет стал этнографическим отделением Ленинградского университета. В таком виде этнографическое отделение и пребывает до сих пор. Это первый вопрос. Вторая справка очень важная вот в каком смысле — в том смысле, что начинается регулироваться и устанавливаться учебный план. Я отметил, что в начале [19]18 г. учебный план был общим с географическим, был только целый ряд предметов по выбору, которые могли брать студенты-этнографы по основным специальностям. Потом, в [19]18 г., когда делился основной факультет, в составление отдельного учебного плана для этнографического факультета; что же мы видим в этом учебном плане: (л. 448) мы видим большое применение, около 60 %, биологических и географических дисциплин, и остальные — социально-экономические и этнографические. Это свидетельствует о том, что это учреждение не придавало большой важности делу этнографического воспитания, сам факультет не был достаточно силен, что бы суметь забрать себе достаточно места в общей системе института. Только с [19]25 г. была проведена соответствующая реформа учебного плана. Были увели-

чены социально-экономические, также и другие предметы, был введен исторический материализм и целый ряд других предметов, а также усилено преподавание самой этнографии. И значит, только с [19]25 г. в достаточной степени могли развить наше этнографическое образование. Это несколько предварительных справок, теперь я приступлю к обрисовке структуры нашего этнографического отделения. Оно делится структурно на 8 циклов. Эти 8 циклов последовательно соответствуют восьми этническим группам СССР. Здесь значит существуют следующие: восточнославянский, финн-угро-самоедский, турецкий, монгольский, тунгусо-маньчжурский, пале[о]азиатский, кавказский и иранский. Таким образом, мы видим, что основные этнические группы нашего Союза представлены этими циклами. Это с одной стороны. С другой — вы видите, что здесь взят только СССР и этот отдел лежит в основе этнографического отделения. Сейчас, во-первых, практически необходимо больше изучать этнические культуры СССР — это с одной стороны, а с другой — циклолизация¹ в смысле преподавательских сил этнографического отделения. Особо выделить в этих циклах следует тунгусо-маньчжурскую, финн-угро-самоедскую, пале[о]азиатскую секции. Изучение тунгусских народов, и самоедских, и уг[о]рских, и пале[о]азиатских впервые поставлено на этнографическом отделении нашего ЛГУ. Там впервые преподавание ведется на тунгусском, самоедском и других языках. В этом отношении нужно сказать, что северная часть этих циклов — наша гордость. Из других циклов наиболее сильно представлен восточнославянский, турецкий. Вот в последнее время и иранский цикл. Вот (л. 449) те наши основные циклы, в которых проводится наша основная работа. В чем же заключается деление на циклы, циклолизация? Она заключается в том, что студенты начиная со второго курса, кроме общего этнографического образования и различных социолого-экономических дисциплин, могут получать преподавание отдельных дисциплин, позволяющих им изучить какую-либо из этнических групп СССР. Таким образом, по каждому циклу предполагается прохождение этнографии данной этнической группы, языка, истории культуры, истории религии, и из практических дисциплин — советское строительство применительно к циклам и эконом[ическая] география по районам. Таким образом, я конкретизирую, если допустим иранский цикл, то, значит, это цикл, кроме этнографии иранского народа, истории культуры иранских народов, религий, господствующих среди основных иранских народов, кроме всего этого, изучается советское строительство применительно к Кавказу или Средней Азии в зависимости от того, куда студент поедет по окончании, и экономическая география или Кавказа, или Средней Азии. Таким образом, целая серия предметов, которые мы все больше углубляем,

¹ Так в тексте.

чтобы дать действительного этнографа в том смысле, чтобы они могли быть использованы в достаточной степени по своим знаниям как в практической, так и в теоретической работе. Один курс, который нам не удалось до сих пор поставить, что является очень большим дефектом, — это обычное право. Всем нам известно, какое исключительное место занимает право в так называемом малокультурном или «малоцивилизованном» (в кавычках) народе. Мы ничего не можем сделать, потому что в смысле преподавательских сил мы не можем подобрать соответствующих кандидатур.

Теперь дальше я остановлюсь на целевой установке. Этнографическое отделение ставит своей задачей подготовку лиц, в достаточной степени изучивших отдельные этнические (л. 450) группы СССР, а также в достаточной степени ознакомленных с общими этническими дисциплинами и социологическими методами. Использование этих этнографов мыслится следующим образом: у нас для этого есть особый курс, который дает возможность усиления этой специальности в области сов[етского] строительства в качестве уполномоченных нацмен. И Комитет Севера и т.д. В этой области подготовки необходимых работников, знакомых с этнографией, в достаточной степени вооруженных материалом и общими этническими познаниями, в этом отношении работников сов[етского] строительства у нас имеется достаточно. Целая серия этнографов, даже не окончивших этнографического отделения, в настоящий момент работают в Сибири и Средней Азии. В особенности много их в Сибири, они работают по линии уполномочия и как члены комитета исследования. Мы достигли такого положения, что много студентов по этой специальности мы не можем дать, у нас недостаток людей по этой специальности. Эту специальность мы всячески поощряем и считаем самой главной. Вторая специальность, по которой наши студенты работают, — это антирелигиозная пропаганда. Раньше чуждались этого термина, и когда впервые поставили этот вопрос в Профобре¹, то там посчитали, что это неудобное наименование, но когда мы его ввели, то оказалось, что это самое главное и существенное. Этнограф, который в достаточной степени знаком и с историей религии, знаком с религией отдельных групп малых народностей, он неопенимый работник на местах. Мы знаем, такое искривление этой линии проводится в некоторых областях, например в мусульманской и т.п., где человек не знаком с пониманием дела как следует. Это вторая специальность. Третья специальность — это музееведы и краеведы. Здесь были большие достижения. У нас имеется ряд музеев республиканского значения, сотрудники которых уже подготовлены, кроме того, мы ставим установку на подготовку краеведов для создания культурных баз малых народностей (л. 451) Сибири. Там организовались так называемые культурные базы, то есть примитивные

¹ Управление профессионального образования.

города, и для научной работы в этих городах существуют специальные должности краеведов, которые мы заполняем нашими студентами. Четвертая специальность — это практическое приложение этнографического образования — преподавание этнографии в национальных техникумах и педагогических институтах. Теперь, когда развитие нац[иональных] языков приобретает решающую роль, мы считаем, что наш уклон преподавания этнографии в соответствующих технических группах вообще, в технических и педагогических институтах и рабфаках — дело очень важное. И пятый наш уклон — это специальность по [д]емографии. Мы ставим своей задачей подготовить статистически образованного этнографа для того, чтобы он работал в наших статистических отделениях. Опыт Всесоюзной переписи показал с достаточной ясностью, могут случаться такие ляпсусы, которые были при переписи в смысле смешения народов. И шестая специальность, которая недостаточно оформлена, и сейчас проводится ее оформление: <нрзб.> мы мыслим подготовку культурных работников в районах наиболее отсталых в культурном отношении народностей. Это тот разрез, которым мы мыслим подготовить этнографа. Он должен быть теоретически подготовлен, но практически должен работать в какой-либо из этих частей, мы не мыслим, чтобы мы имели только этнограф-теоретика, — мы это отрицаем. Если отдельные лица из них пойдут по научной линии, что является совершенно естественным, конечно, препятствий не будет в этом отношении, но установку основную мы сводим на подготовку тех работников, которые должны быть использованы нашим сов[етским] строительством. Вот дальше. В соответствии с нашей целевой установкой и делением на циклы мы ставим перед нашим преподаванием четыре основных момента. Во-первых, овладение социологической методологии. В этом отношении было очень трудно в этнографическом отделении. Только сейчас мы мало-мальски сумели привлечь в достаточной степени интеллигентские силы, в частности проф. Тингерт¹, который (л. 452) ведет у нас самый ответственный курс в общем курсе этнографии. Мы можем говорить, что достижения в этой области имеются и что мы эти достижения должны расширять и углублять. Во-вторых, изучение этнических групп не только по литературе, но обучение в поле. Мы считаем, что ни один этнограф, окончивший этнографическое отделение, не может быть хорошим этнографом, если он не побывает в поле. Это вторая установка. И третья установка — обязательное изучение языка той народности, которую этнограф думает изучать. Если он хочет специализироваться по турецкой этнографии, то он должен изучить какой-нибудь из турецких языков. И четвертый основной принцип нашего учебного плана — это то, что мы требуем от студентов изучения не только этнических групп, но желательно,

¹ Личность установить не удалось.

чтобы они приложили свои силы для поднятия на высшую ступень той этнической группы, которую они изучают. Вот это четыре основные принципиальные установки, и в этом отношении мы можем говорить о некотором своеобразии этнографической школы в Ленинграде. Что же касается учебного плана, то он утвержден ГУСом в [19]26 г. Сейчас он перерабатывается в смысле уточнения и приспособления к непрерывной производственной практике, о которой я буду специально говорить. Возможно сокращение многих предметов и, конечно, усиление социолого-экономических дисциплин. Насколько трудно бороться в этнографической области с идеалистическими проявлениями, чтобы это показать, я приведу такую цитату. Есть известный этнограф Широкогоров¹, он издал книгу «Этнос», и в ней он определяет задачи этнографа следующим образом: «Этнограф изучает проявление умственной и психической деятельности человека, то есть его материальную культуру, то есть его знание в области строительн[ого] искусства, одежды и т.д. Во-вторых, его социальную культуру, то есть организацию общества. В-третьих, его духовную культуру, то есть религию, философию. Следовательно, этнограф изучает (л. 453) материальную культуру, социально-экономические условия и религию. Формы всего этого возникли на этнографической базе»². Я привел эту цитату для того, чтобы показать, насколько трудно бороться с такими проявлениями антинаучности. В этом отношении мы сделали очень многое, но можно пожелать, чтобы в дальнейшем было еще больше.

Теперь учебный год этнографического отделения состоит из трех триместров, в этом особенность различия нашей постановки обучения. Два триместра — зимние и один — летний. В зимние триместры проходят основные теоретические и практические дисциплины, причем в качестве лабораторий используется наш музей. Летний триместр посвящен работе в поле. При университете есть школа в Саблине³, куда летом посылают наших студентов. Это первое лето. Второе лето посвящено военным сборам, а в третье лето от каждого студента требуется, чтобы он поехал в экскурсию

---

¹ Широкогоров Сергей Михайлович (史祿國; *Shi Luguo*; 1887–1939) — русский и китайский антрополог. Автор теории этноса и психоментального комплекса. Специалист по этнографии, языку, археологии и физической антропологии тунгусо-маньчжурских народов.

² Точная цитата: «Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека, то есть 1) его материальную культуру, то есть всю сумму знаний в области строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, то есть организацию общества — государства — и его органов, как семья, род и т.п.; 3) его духовную культуру, то есть религию, науку, философию и эстетическое искусство» (*Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений.* М., 2010. С. 18).

³ Саблино — железнодорожная станция на московском направлении Санкт-Петербургского отделения Октябрьской железной дороги. Располагается в поселке Ульяновка Тосненского района Ленинградской области, на правом берегу реки Саблинки.

в область той народности, которую он изучает. Четвертое лето у нас целиком вместе с годом проходит (которые мы не могли развернуть на все сто процентов по нашим финансовым соображениям) в так называемых экспедициях в масштабе этнографического года. Мы считаем, что студент перед тем, как он будет защищать дипломный проект, если он изучает сибирскую народность или другие наиболее трудно поддающиеся изучению, должен прожить полтора года и проработать среди этой народности. И потом на основе этого материала писать свой проект. Это характерная черта, которую мы всеми силами проводим.

Теперь для того, чтобы студента в достаточной степени, кроме теоретических дисциплин, подготовить соответствующе этнографии для важной работы, мы также особенно большое внимание обращаем на дисциплины технических моментов. У нас хорошо поставлено изучение топографии, рисования, а также мы вводим киносъёмку, потому что мы считаем, что если этнограф поехал в поле, он должен уметь заснять. С другой стороны, фотография и зарисовка, техническое воспроизводство, которое очень важно для этнографа, а также киносъёмочное (л. 454) дело мы считаем очень важным в нашем научном плане, и эти технические предметы теперь введены. Курс обучения на этнографическом отделении — 4 года.

Теперь я хотел еще остановиться на втором моменте — на так называемой производственной практике. Нужно вам сказать, что этнографическое отделение Ленинградского университета приступило к выполнению производственной практики, тогда когда мы знаем, что в этом году отпущены средства только на технические вузы. Мы приступили к проведению практики по двум основным разрезам: по работе уполномоченных по нацменьшинствам по исполкомам и райисполкомам, по советской линии, а по линии музейной — в национальных музеях.

Вторая основная специальность включена в план непрерывной производственной практики с этого года. В будущем году мы будем это дело расширять. Для того чтобы иметь возможность посылать студентов на этнографические экскурсии, у нас существует основной экскурсионный фонд в количестве в 5 000 руб. Вот эти пять тысяч рублей, которые дают возможность каждое лето хотя ограниченное количество, но человек 60, а иногда и больше, посылать на экскурсии, это завоевано благодаря Влад[имиру] Герм[ановичу], который выхлопотал специальным переводом от Рыкова¹, когда тот был председателем ВСНА². Это большое <нрзб.> в наших руках, мы сможем кое-что на это сделать.

¹ Скорее всего, имеется в виде *Рыков Алексей Иванович* (1881–1838) — советский политический и государственный деятель, народный комиссар внутренних дел РСФСР (1917), председатель СНК СССР (1924–1930) и одновременно СНК РСФСР (1924–1929).

² Видимо, опечатка. Имеется в виду ВСНК — Всесоюзный совет народных комиссаров, аналог современного Правительства РФ.

Теперь о преподавательской схеме. Мы все время занимались работой в двух направлениях. С одной стороны, привлечение наиболее подготовленных этнографически лиц, с другой стороны, привлечение соответствующих марксистских лиц. В этих двух направлениях мы кое-чего достигли. Мы почти всех тех, которые могут поехать в Ленинград, привлекли к нашей работе преподавания, и если сравнить, что было в [19]18 г. и что сейчас есть в смысле преподавания, видно, что мы кое-чего достигли. С другой стороны, мы добились того, что среди преподавательского персонала у нас есть члены партии (л. 455) и комсомольц[ы], так что в этом отношении у нас есть достижения, которые мы стараемся углубить (в смысле организационных условий). Я должен заметить, что начиная с [19]18 г. председателем этнографического факультета был проф. Штернберг, а после него начиная и до сих пор — В. Г. Тан-Богораз. В[ладимир] Г[ерманович] идет всячески на встречу тем насущным потребностям, которые ставятся этнографическому отделению. Я считаю необходимым отметить это, поскольку это факт, который чрезвычайно облегчает работу на этнографическом отделении.

Теперь о дипломных работах. У нас, как известно, существует защита дипломного проекта начиная с [19]27 г. В [19]27 г. защищало 3 человека дипломный проект, в [19]28 г. — 7 человек, следовательно, у нас всего до настоящего времени защитили проекты 10 человек. Какие же основные выводы из защиты этих дипломных проектов можно сделать? Основные выводы следующие: во-первых, что эти проекты построены на полевом материале, то есть на том материале, который человек собственным трудом достиг. Во-вторых, они технически чрезвычайно удачно оформлены. Некоторые работы печатные, некоторые — рукописные. Из недостатков, которые нужно в дипломных проектах отметить, это ту некоторую методическую немощь. Это пережитки того времени, когда социолого-экономические дисциплины не стояли на должном месте. Человек писал тогда, когда не было перелома в учебном плане, когда не были поставлены эти дисциплины. Квалификационная комиссия под председательством академика Самойловича¹ вынесла решение о том, что надо на эту сторону обратить особое внимание. Мы принимаем все меры к тому, чтобы дальнейшие наши дипломные работы улучшились. Вот таким образом то, что требуется от наших дипломных проектов.

Я заканчиваю, если будут вопросы, можно будет дополнительно ответить. Я хотел зафиксировать те основные моменты и выводы, которые

---

¹ Видимо, имеется в виду Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) — выдающийся советский тюрколог. В 1920 г. — преподаватель восточного отделения Академии Генерального штаба Красной армии, в 1922–1925 гг. — ректор Центрального института живых восточных языков в Ленинграде, в 1929–1933 гг. — академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР, в 1934–1937 гг. — директор Института востоковедения АН СССР.

стоят перед нами. Это, во-первых, уточнение нашего учебного плана в смысле разграничения между (л. 456) этнографически-социолого-экономическими дисциплинами и максимальным ограничением тех дисциплин, которые в плане преподавания не так высоки. Второе — у нас задача усиления марксистско-идеологического преподавания. Мы его проводим, но в дальнейшем надо его усилить и углубить. В-третьих, увеличение числа аспирантов. У нас из 7 аспирантов: 4 члена партии и комсомолец, такой процент, который почти ни в каких специальных учебных заведениях не имеется. Но вместе с тем мы считаем необходимым увеличить число аспирантов, чтобы подготовить достойную смену нашей профессуре и преподавателям. Четвертый момент, который чрезвычайно важен, — это увеличение экскурсионного фонда — он недостаточен. Пятое — это усиление приема лиц из национальных меньшинств. В этом отношении Главпросвет¹ недостаточно в этом участвует. В прошлом году прислал на этнографическое отделение одного представителя-карела, тогда когда мы главным образом стремимся дать соответствующих работников для нацменов. Следующий вопрос, который стоит перед нами, который мы должны решить, — это то, чтобы планомерно вовлечь [в] сельское хозяйство и промышленность наших районов этнографическую молодежь, для того чтобы дать возможность статистическим работникам в достаточной степени принимать в расчет этнографические знания. И последний вопрос из всех. Это то, что нам нужно добиться разрешения вопроса о контрактации студентов этнографического отделения. Нужно сказать, что в этом отношении социально-экономические вузы, и в частности этнографическое отделение, находятся в недостаточно хорошем положении. Например, для советского строительства мы принимаем меры культивирования отдельных народностей через соответствующую посылку работников в качестве практикантов в самом аппарате, но по линии музейной наше дело тормозится. Мы считаем необходимым проводить контрактацию студентов, но некоторые музеи не дали контрактацию. Это относится не только к ленинградским студентам, но и (л. 457) ко всем студентам. Вот все основные вопросы.

Значит, заключая, я хотел сказать следующее. Этнографическое отделение на этих принципах стоит, если вы здесь их обсудите и признаете правильными или неправильными, объявите в соответствующей резолюции.

Этнографическое отделение все более и более растет и все дальше отходит от биологизма и географизма. В самом начале [19]18 г., как я говорил, нельзя было различить геолога от этнографа, сейчас оно становится одним из передовых отделений в нашем Университете, и мы считаем, что мы идем по правильному пути и этот путь необходимо продолжать.

---

¹ Главпросвет (Главное управление просвещения) — раннесоветская организация, направленная на борьбу с безграмотностью населения.

Я считаю, что в такой многомиллионной стране, как СССР, труд этнографа, правильно социально подкованного и подготовленного для использования в разных частях нашего строительства, — это очень важно, и я считаю, что это дело мы исполним с таким же рвением, какое это дело требует. Если мы ошибемся и не все сможем провести, что хотим, то я думаю, что чем дальше, тем больше у нас будет достижений. Труд этнографа в СССР является трудом, который необходим. Разрешите на этом закончить.

Плисецкий (секретариат)

Как нам известно, т[овари]щи, в Москве собралось совещание представителей марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений¹, секретариат предлагает послать совещанию следующую телеграмму: «Этнографы Ленинграда и Москвы, собравшись на первое совещание в целях творческой увязки своей работы с общим делом марксистской исследовательской мысли и соц[иалистического] строительства нашей великой пролетарской, страны шлюет горячий привет и лучшие пожелания второй конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений и их вождю — Коммунистической академии».

Президиум совещания

(л. 458) **Сергиевский**

Т[овари]щ Кошкин очень подробно и обстоятельно изложил нам положение дел с этнографическим образованием в Ленинграде. Мне хотелось бы в своем докладе сделать то же самое по отношению к московскому этнографическому факультету и остановиться несколько минут прежде всего на принципиальном положении, на котором строится этнографическое образование в Москве, которое может быть желательным было бы как-то здесь зафиксировать. Разумеется, я не имею в виду дать какой-либо проект построения высшего этнографического образования. Это не по силе не только одному человеку, да и само дело по своей новизне представляет проблему чрезвычайно сложную, которая будет разрешаться, конечно, еще не один ряд лет и требует для этого совокупности мысли и ученых, и общественных работников на почве этнологии. Можно прямо утверждать, что организация высшего этнологического образования начинается у нас со времени революции и является ее подлинным детищем, как и многое другое в современном строительстве высшей школы. Вполне понятно, что революция и политика советской власти разрешила проблему национальных меньшинств так, как она не разрешена ни в какой другой стране. Это

¹ Имеется в виду II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, которая проходила с 8 по 13 апреля 1929 г. в Москве в Коммунистической академии.

проблема высшего этнографического образования. Нет надобности говорить о том, какое значение приобретает этнография в нашем строительстве, — об этом много говорилось на нашей конференции. Важно отметить, что этот момент особенно серьезно определяет стоящие перед высшей школой задачи и естественно требует к себе особенно внимательного отношения. Но любопытно остановиться также несколько на том, как в Москве [решается] вопрос об организации высшего этнографического образования, для того чтобы из этого краткого изложения объяснить то положение дел, которое сейчас существует. Я помню, что в [19]18 г. группой московских работников-этнографов был поднят вопрос об (л. 459) открытии кафедры этнографии, но не нашел возможности осуществления на том основании, что только что разразилась революционная буря, не благоприятствующая начинанию этого дела. И естественно, что факультет, через два-три года прекративший свое существование, не мог взять инициативу в свои руки. Приблизительно в [19]19–[19]20 гг. появился проект организации в Москве факультета, подобный тому, который был организован в Ленинграде в виде Географического института. Покойный проф. Анучин высказывался за создание единого факультета, в котором этнолог, географ и антрополог были бы как-то совокупно представлены, проект этот не осуществился в Москве, и этнографы остались все время в пределах того же физико-математического факультета при кафедре Анучина, который в свое время соединял в себе ученого-этнографа, географа и антрополога. Естественно, что пока эта кафедра существовала, там продолжали меняться и этнографы, которые до известной степени и доньше имеют свое существование только в так называемом антропологическом цикле биологического отделения. Даже не в качестве самостоятельного отделения, а в качестве некоторого уклона или специализации, выпустившей некоторое количество т[овари]щей, работающих в области этнографии. Только в [19]25 г., когда факультет естественных наук был реорганизован, при возникшем вновь этнографическом факультете была поставлена проблема создания специального этнографического отделения, которое теперь имеет всего четвертый год своего существования и которому предстоит впервые выпустить свою продукцию в практическую работу.

Из этого краткого обзора видно все-таки, почему в Москве до сих пор еще держится такое положение, что этнографические науки преподаются, в сущности, в разных местах по району и в разных окружениях. Здесь, несомненно, нам надлежит на этом совещании внести окончательную ясность в этот вопрос — где надлежит иметь место преподавание этнографии — и (л. 460) определить те пути, по которым этнографическое образование должно развиваться и дальше.

Теперь о целях, которые преследует этнографическое образование. В сущности говоря, то, что сообщил тов. Кошкин, под этим можем под-

писаться и мы, ибо мы ставим ту же цель — выпускать работников в области сов[етского] строительства, в области музееведения и краеведения, не забывая, конечно, еще одной задачи, что мы все-таки известную часть продукции должны выпускать специально для будущих научно-исследовательских работ. Эти задачи у нас так или иначе всегда перед факультетом стояли. В отношении специалистов сов[етского] строительства Московский университет, пожалуй, несколько уже ставил свои задачи, ограничиваясь скорее просто так называемым культурным строительством нацменьшинств, хотя, конечно, в дальнейшем мы предусматриваем возможность точно так же обратить внимание на подготовку работников с известным экономическим уклоном. Вот в таких разрезах примерно, о которых здесь сообщил тов. Кошкин, то есть для работы в плановых комиссиях по демографии. Здесь мы считаем необходимым как-то определенным образом увязать этот вопрос с теми вузами, где экономическое преподавание является центром, то есть чисто экономические факультеты. Ну о значении музея краеведения говорить не приходится после того, что мы здесь слышали о важности музеев, о значении этого дела на культурном фронте — как подготовка музееведов, подготовка краеведов как работников общественного характера. Необходимость этой подготовки является самоочевидной. По этим трем линиям приблизительно развивается в настоящее время преподавание московского этнографического факультета. Нет сомнения, что по мере того, как жизнь будет выдвигать свои требования, могут открыться новые возможности, с которыми факультету нужно считаться и к которым нужно быть всем готовым.

(л. 461) Какой должна быть социальная база для этнографического образования? Здесь, мне кажется, больше всего нет необходимости спорить о том, что этнографическое образование должно войти в состав так наз[ываемого] социально-экономического образования по существующей теперь сетке наших вузов. Тот момент, который лежит в основе науки, в общем составляют предметы, основу учения на этнографическом отделении предопределяет место этнологии и этнографии в системе социально-экономического образования. Это образование должно базироваться на изучении исторического материализма, основе экономической науки, кончая историей, то есть именно тех дисциплин, где его применение наилучшим образом проработано, и исходить из которых надлежит, и учиться применять его и в области этнографии. И, как мы это видим, оно только начинает применяться. Уже после того, как студент получает основную подготовку в смысле социально-экономического образования, он приступает к изучению отдельного специального предмета, также распределенных по национальным циклам, как в Ленинграде. <...> У нас четыре цикла: восточнославянский, турецкий, восточнофинский и закавказский. Основными предметами преподавания являются те же, что и в Ленинграде,

то есть прежде всего язык того народа или группы народности, среди которых предполагается проведение работы, затем история этнографии — палеонтология, фольклор и также дополнительные предметы, соответственные специализации: для мусульманского, турецкого цикла специально мусульманское право, обычное право или шариат и т.д. При этом язык изучается не только теоретически, поскольку владение языком является основным условием для того, чтобы будущий работник мог проводить свою работу, но и по возможности практически, с тем чтобы известная теоретическая подготовка давала возможность будущему работнику-этнографу выступать в каждом случае с этими познаниями и применять эти познания в тех разрезах, о которых здесь говорилось.

(л. 462) Непременным элементом всякого этнографического образования должно являться по плану учебному этнографического факультета обязательное участие работников-этнографов в полевой практической работе. Опять-таки соответственно тому, что мы уже слышали. Вот приблизительно те элементы, на которых строился четыре года назад учебный план этнологического факультета. Его дисциплины приблизительно можно распределить таким образом: около 23 % — общеобразовательных, о которых я говорил, усвоение основной базы нашего образования — около 45 % специальных дисциплин, изучающих этнографию, историю, археологию, фольклору, язык народа, избираемого по циклу, 15 % уходит на лингвистику, остальные идут по разрезу одного из трех уклонов, которые мы ставим на факультете. Я должен сказать, что учебный план однажды уже рассматривался в [19]26 г., в этом году подвергается некоторому пересмотру в смысле переработки и ясного определения тех практических задач, которые факультет ставит перед собой и соответственно которым он будет выпускать продукцию. Я не буду здесь перечислять те предметы, которые входят в учебный план отдельных циклов. Я должен остановиться также на том, что с этого года у нас введена непрерывная производственная практика, которая пока что проводится по двум направлениям: основным образом по линии Музея народоведения, с которым мы находимся в самых близких отношениях, и с другим в меньшей степени — с Институтом сов[етского] строительства¹. Но там нам пока предоставлено ограниченное количество мест, которые факультет все полностью использует. Вот в таких приблизительно общих рамках представляется дело подготовки этнографов на этнографическом отделении этнографического факультета. Я сам подчеркнул, что мы до сих пор определенным образом сознаем, что наш учебный план, насчитывающий четыре года существования, не является стабилизированным и не нуждается в поправках. Совсем наоборот, мы считаем,

---

¹ Московский институт советского строительства. Сегодня этот институт называется Московский юридический институт.

что по мере того, как развертывается наше дело, как в этом году впервые будет проводиться распределение окончивших студентов на места, мы получим новый материал и используем его для соответствующих (л. 463) выводов у себя. По этим направлениям факультет сейчас проводит подготовительную организационную работу, сносясь с местами, выясняя положение дела, на основе которого мы могли направлять наших студентов на практическую работу, и нет сомнения в том, что первый опыт первого выпуска на работу даст нам новые положительные результаты. Мне остается оставаться только на двух вопросах чисто организационного характера, о которых тут говорил тов. Кошкин и которые и у нас стоят, пожалуй, острее, чем в Ленинграде. Первый — это вопрос комплектования. Здесь мы можем подать друг другу руки, потому что наше искреннее желание в том, чтобы комплектование факультета этнографии шло путем представления республикам командировочных мест, но это до сих пор еще никак не пришло к надлежащим результатам. Еще в прошлом году мы составили определенные списки предложения разверстки на основе отдельных республик и автономных областей, которые могли бы направить к нам своих представителей. Но [в] Главпрофобр¹ этот список не был своевременно принят во внимание, и проект не осуществился. Естественно, что в резолюции нужно обратить на этот вопрос специальное внимание, нужно, чтобы к нам направлялись те лица, которые желают <нрзб.> посвятить себя этой сфере образования, с тем чтобы дальше продолжать культурную работу в своих республиках. Второй вопрос еще более острый — это вопрос о материальной базе для практики этнографа, который здесь поставлен лучше. Если вам ВСНХ² дал определенную дотацию Ленинградскому университету, то мы не можем считать, что Главпрофобр является для нас тем же щедрым, добрым. Мы получаем известную сумму на проведение практики, но пока она проводилась более или менее организовано, а как будет в этом году, я сказать не могу. Для нас <нрзб.> является то обстоятельство, что без этой практики этнографа подготовить нельзя и нужно считаться с тем, что этнографическое образование стоит дороже, чем другой вид социально-экономического образования, и нужно надавить (л. 464) на соответствующие инстанции Наркомпроса³, которые удовлетворяют эту потребность. Я мог бы, пожалуй, закончить свое сообщение, представить в порядке вопросов разъяснения на вопросы, которые возникают у слушателей, но у меня под рукой даже нет учебного плана, который я не взял с собой, потому что не предполагал выступать с докладом. Я могу дать справки, какие предметы

¹ Главпрофобр — Главное управление профессионального образования.

² ВСНХ — Высший совет народного хозяйства, наименование центрального государственного органа управления народным хозяйством в советских республиках и СССР.

³ Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения.

преподают, думаю, что в основном мы, в сущности, не расходимся по принципиальному построению нашего образования с Ленинградом. И как более молодой факультет можем многому поучиться у вас, вашему опыту, и мы высказываем сожаления, что только впервые встречаемся на этой почве. Надеемся, что это общение будет в дальнейшем более плодотворным. (*Аплодисменты.*)